

Владимир М. Соколов

Интересная
жизнь...
Интересные
времена...

.....
Общественно-биографические,
почти художественные,
в меру правдивые записки
.....

Владимир Соколов

Интересная жизнь...

Интересные времена...

**Общественно-биографические,
почти художественные, в
меру правдивые записки**

«У Никитских ворот»

2021

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Соколов В. М.

Интересная жизнь... Интересные времена... Общественно-биографические, почти художественные, в меру правдивые записки / В. М. Соколов — «У Никитских ворот», 2021

ISBN 978-5-00170-224-5

Эта книга – увлекательный рассказ о насыщенной, интересной жизни незаурядного человека в сложные времена застоя, катастрофы и возрождения российского государства, о его участии в исторических событиях, в культурной жизни страны, о встречах с известными людьми, о уже забываемых парадоксах быта... Но это не просто книга воспоминаний. В ней и яркие полемические рассуждения ученого по жгучим вопросам нашего бытия: причины социальных потрясений, выбор пути развития России, воспитание личности. Написанная легко, зачастую с иронией, она представляет несомненный интерес для читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00170-224-5

© Соколов В. М., 2021
© У Никитских ворот, 2021

Содержание

Предисловие – оправдание	6
Глава I	9
Глава II	30
Глава III	42
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Соколов
Интересная жизнь... Интересные
времена... Общественно-
биографические, почти художественные,
в меру правдивые записки

© Соколов В.М., 2021

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2021

* * *

*Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит – и жизнь, как камней гряда,
Лежит на нас, – вдруг, знает Бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.*

Ф. Тютчев.
22 октября 1849

Предисловие – оправдание

Из черной бумажной тарелки радио: «Война, война...» С лязгом замков открывается дверь, и в нашу коммунальную квартиру входят папа и мама. Они пришли с рынка, в руках сумки с продуктами. Я, радостно припрыгивая, бегу к ним и голосом, полным восторга и счастья, кричу: «Война, война!» Папа побледнел, бросил сумки-авоськи и сразу куда-то ушел.

Это первое, что я помню в жизни...

«Вообще-то я люблю повспоминать, поговорить. И есть что вспомнить. И первое молодежное кафе в Москве организовал – “Синяя птица” называлось (“На всю Москву знаменитая джаз-площадка была”, – Игорь Бутман, великий наш саксофонист), и первую делегацию американской молодежи, в Москву в “оттепель” приехавшую, принимал, и отставку Хрущева весьма своеобразно встретил, и КВН на вершину нашего телевидения вместе с коллегами поднимал (одиннадцать выговоров от министра за это схлопотал), и с Муслимом Магомаевым вместе телефильм снимали, и один час восемнадцать минут в Сантьяго де Куба с Фиделем Кастро наедине беседовал (“Пусть это будет личным фактом вашей биографии”), и о возможности путча за два месяца до ГКЧП в аналитической записке власть предупреждал (за что позднее меня следователь КГБ допрашивал), и Ирине Хакамаде содействовал депутатом Госдумы стать, и Лужкову достоверную информацию исследованиями своими добывал, и Этический кодекс российских чиновников, разработанный мною, пять раз в Госдуму вносился (и пять раз обратно выносился), и мои публицистические опусы, которые наше общество будоражили...

Да многое еще есть что вспомнить!»

И слушают меня родные, друзья, знакомые и разные прочие люди и говорят: «Пиши! Пиши воспоминания. Интересно, полезно, нужно!» И авторучки дорогие дарят с надписью на пеналах «Для мемуаров».

Может быть, и нужно... Но что-то не тянет меня свою жизнь описывать. Думаю, и читать-то о жизни (даже и интересной) не столь уж замечательного человека, в отличие от серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»), – не много любителей найдется. У каждого человека есть что вспомнить из прожитого, у многих найдется и нечто выделяющее их из обыденного потока жизнепроедания обыденных людей. И все это печатать? И все это читать? Упаси бог!

Ну а если не просто повспоминать разные события своих прошедших дней (пусть даже в чем-то и общественно любопытных), а включить в этот событийный ряд свое понимание их, свои представления, размышления о том, *что они являются собой в общем контексте бытия в конкретный период времени конкретного поколения людей?* Вот это действительно может быть занимательно.

Наберусь нахальства назвать свою жизнь интересной и по событиям, о которых упомянул уже, и по потенциалу человека, который прожил (и проживает!) в ней. Не впустую же прошло то, что я столько лет профессионально изучал филологию, историю, философию, социологию, политологию, психологию.

Прошел всю вертикаль образования в СССР: школа, институт, академия, аспирантура, докторантура. Двадцать один год обучения! И только очного! Правда, первый мой зять, который не одолел и одного курса института, говаривал: «Для того чтобы стать образованным, разным людям необходимы разные сроки обучения». В чем-то это, может быть, и правильно, но жизнь убедила меня, что все-таки недаром я столько времени учился, а затем в меру своих сил пытался что-то свое сказать и в науке, и в общественной публицистике. Чем убедила?

Да тем, что и книги, что я написал, читают (раскупают же!), и статьи в центральных журналах и газетах дискуссию возбуждают, на некоторые мешки писем в редакции приходят, и по учебникам моим учатся (даже самиздатом их с моего сайта печатают), и учеников у меня уйма (одних аспирантов около полусотни защитилось, и докторов наук в свет выпустил тоже немало), да много еще что по этому поводу сказать можно.

Скажут: «Расхвастался, товарищ! Нескромно это». Да, есть немного. Но не в оправдание, а в объяснение напишу несколько слов по поводу скромности (вот уже и первое отступление-размышление).

Скромность – прекрасная черта характера человека в его общении с людьми. Нескромных порицают – и правильно делают. Это в застольной компании, в беседах за жизнь. В быту.

Скромность же ученого означает его ограниченность в научной деятельности, а то и просто неспособность к ней. Ну что, если бы Коперник думал: «Разве можно великому Птолемею перечить, его теорию движения небесных тел опровергать?» Или Лобачевский из-за скромности не посягнул бы на евклидову геометрию и так бы и не создал свою неевклидову.

Боже меня упаси сравнивать себя с научными титанами! Я и просто ученым стесняюсь назваться. На вопрос: «Чем занимаетесь?» – отвечаю: «Научный работник, педагог, публицист». И в то же время считаю нормальным говорить о том, что нового внес в этику, в социологию, гордиться тем, что попал за это в серьезные российские и зарубежные энциклопедии.

Конечно, не только образование и научная деятельность дают мне право на «вишенку на торте» – некоторую особливость («интересный человек!») в общем потоке людей. Не только и даже не столько. Посмотрел я внимательно на то, какую же я жизнь прошел (и, слава богу, еще прохожу!), и убедился: это же *типичная жизнь человека определенного общественного круга!*

Условно в любом обществе можно выделить несколько слоев (кругов) населения – *низший, средний, высший*. Данное выделение исходит из ряда критериев, прежде всего места работы и занимаемых должностей, значимости участия в общественных процессах, в системе государственного управления, материального положения, образовательного уровня, уровня культуры и ряда других. В свою очередь (опять условно!) каждый из этих уровней можно разделить на три группы (ступени): *начальный* низшего, *средний* низшего, *высший* низшего; *начальный* среднего, *средний* среднего, *высший* среднего и т. д.

Так вот по всем этим показателям я уверенно попадаю на «*начальную (низшую) ступень Высшего круга*». Попадаю и по материальным показателям (отличная квартира в номенклатурном доме, хорошая импортная машина, благоустроенная дача, путевки в ведомственные санатории, поездки за рубеж и прочее, и прочее), и по культурно-образовательному уровню (о чем уже писал), и по месту в иерархии власти преобладающей (место работы всегда позволяло мне хотя и в скромной мере, но участвовать в достаточно серьезных общественных и государственных процессах). Последнее слагаемое особенно важно. Поясню кратко.

Как известно, пирамида власти в сторону ее снижения состоит из ее олимпа – генсека, политбюро, президента, премьер-министра и им подобных вершин; высшей администрации (министры, спикеры, «председатели» и им равные); высших бюрократов (и так понятно, кто это) и «осуществленцев» – людей, которые и воплощают в жизнь «великие предначертания власти». Так вот где-то внизу этих «осуществленцев» и уместился «начальный (низший) слой (первая ступень) Высшего круга». От эффективности его работы в огромной степени зависит и действенность государственного аппарата, и состояние общественной атмосферы. Поэтому с олимпа им доверяют некоторое количество секретной государственной информации, создают особые условия работы и далеко не всегда, но привлекают и к разработке содержания государственных решений. Разве не интересна исповедь человека подобного круга?

Так вот и решился я написать книгу, где сплетены воедино и *воспоминания* о жизни человека, который, конечно же, не попадает в рубрику ЖЗЛ, но уж точно типичного для своего времени и своего слоя, и *оценка* ученого социолога, историка прошедших и нынешних времен,

и обращение к единомышленникам, и ответ инакомыслящим, и послание к внукам и правнукам... Ну а об уникальности времени и так все понятно. Разве не уникальны Великая Отечественная война, которая хоть и самую малость, но зацепила меня, времена Н. Хрущева, Л. Брежнева, М. Горбачева, развал могущественной мировой державы, построение нового государства с неизвестным путем развития?!

Книгу эту можно обозначить как *историко-биографическое, в меру объективное, публицистически-социологическое, почти художественное, местами ироническое повествование об удивительных, интереснейших временах и о жизни в них человека «начальной (низшей) ступени Высшего круга».*

Определение замысловатое, но верное по своему содержанию. Может быть, в таком виде книга эта и пригодится хоть кому-нибудь.

И на том спасибо.

P. S.

Почему так странно наименован автор Записок? Потому что Соколовы – очень пространная фамилия (в России, по-моему, седьмая по частоте). И Соколовых Владимиров Михайловичей – уйма! А так – Владимир М. Соколов: красиво и неповторимо. Так мне кажется. И, наконец, последнее.

P. P. S.

Для кого предназначены эти Записки? Хотел я посвятить их любимой своей семье: жене, дочери, зятю, внукам и внуку. Потом внимательно посмотрел, что же вообще это за штука такая – «посвящение»? В Википедии написано:

«*Посвящение* (фр. *dedicace*, нем. *Widmung*) – заявление о том, что данное произведение (литературное, научное, художественное) адресовано или поднесено в качестве дара тому или иному лицу или его памяти...». Но я не хочу адресовать и тем более подносить свои Записки *одной только семье моей!* Очень хотелось бы, чтобы они были интересны и другим читателям. И тем, кто в описанные годы жил и поэтому мог вспомнить упомянутые в них события. Вспомнить, погрустить, улыбнуться. И тем, для кого эти годы – далекая история, но история для них интересная.

И все-таки я, конечно же, мечтаю о том (может быть, несбыточном), чтобы Дарья и Мария – внучки мои, Гриша – внук мой, собрали бы все свои физические и интеллектуальные силы, преодолели бы трудности чтения не короткого месседжа, но целой бумажной книги и прочитали бы ее. И узнали, какова же была эпоха, в которой жил их дед, и как же он сам в этой эпохе жил, как работал, к чему стремился, с кем встречался, о чем мечтал, что людям оставил. Мало просто уважать своих предков лишь за то, что они дали тебе возможность появиться на грешной земле. Главное же – что это были за люди, достойны ли их дела, поступки того, чтобы гордиться ими? Известно, что многие люди годы тратят на то, чтобы о предках своих собрать как можно больше материала, а здесь – пожалуйста, все описано, прочитай только. Прочитай!

Глава I

Москва как состояние души. Дитя войны: швейная машинка на тротуаре, деревянные бабмаки. Мрачный склеп метро «Павелецкая», ужасы станции «Правда» и вокзала в Рязьске. Настоящий коммунист. Собачий жир и советская власть. Весьма средняя «средняя школа».

В Госдуму внесен законопроект о детях войны. Это дети, родившиеся в период с 22 июня 1928 года по 3 сентября 1945 года. Я как раз в этот период и родился. О войне немного попозже. Сейчас же – о Москве.

Если уточнить мое предисловие-оправдание книги, то, пожалуй, в ней не два, а три главных героя: время, я в нем и Москва. Для меня Москва не просто место рождения, но территория (или, как красиво звучит, – «ореол») моей жизни. Мой характер, моя психика, моя учеба, моя любовь, моя карьера, мои взлеты и падения и вообще все, что в жизни моей происходило, прямо или косвенно связано с этим городом. Больше чем 20-30 дней вне Москвы я нигде не жил, жить не хотел, да и не смог бы. За семьдесят с лишним лет исключение было только одно: трехлетняя работа на Кубе. Но об этом особый разговор.

Моя привязанность к Москве не только психологически чувственная, но и достаточно действенная с моей стороны. Вся жизнь от самых малых лет до дней сегодняшних любимым отдыхом было и есть побродить по городу. Это даже нельзя назвать отдыхом, это какой-то жизненно важный посыл! Может быть, слишком сильно будет сказано, но это что-то подобное тому, о чем писал А. Блок:

Полна усталого томленья,
Душа замолкла, не поет.
Пошли, Господь, успокоенье
И очищенье от забот.

Вот таким успокоением и очищением были и есть для меня хождения по Москве. Бродить в одиночестве по городу я стал с тех пор, как себя помню. Здесь позволю себе маленькое отступление в этом большом отступлении – *о вреде воспитания*.

Вред идет, конечно, не от самого воспитания как внешнего воздействия на процесс становления личности (без этого ее развитие вообще невозможно), а от воспитания как специально организованного, жестко контролируемого, псевдо- и научно-продуманного систематического деяния. «Какую книжку читаешь, куда гулять собрался, с кем водишься, что за мысли у тебя?» Конечно, все это родителям надо знать, но без остервенения. «Ты должен...» – и далее длинный черед наставлений, ограничений, согласований. Это тоже надо, но не подавляя свободную волю ребенка. Главное в воспитании – читают ли книжки *сами* родители и какие это книжки, слушают ли они *сами* музыку и какую музыку, ходят ли они *сами* в театр, кого дома принимают, как помогают друг другу... Азбучные вещи говорю. Это все для того, чтобы пояснить, что с малых лет родители спокойно отпускали меня одного гулять по городу. Тут надо учесть, что в те годы было это намного безопаснее, чем в нынешние времена.

Пацаном садился я на трамвай и ехал до последней остановки, а потом пешком домой возвращался. Подросток – и на велосипеде от Земляного Вала до Речного вокзала педали крутил. Можно посмотреть по карте, сколь далеко это – почти через всю Москву. Сегодня, пребывая, мягко говоря, в «сильно зрелом возрасте», по всей Тверской (улица Горького!) пешком гуляю, по Маросейке, по Пятницкой, да мало еще куда заглянуть хочется. Интересно же посмотреть, как что меняется. Знание города мне и приятно, и в удовольствие.

Одним из первых томов собираемой мною с малых лет библиотеки стала знаменитая книга П. Сытина «Из истории московских улиц». И с тех пор разрастается моя библиотека о Москве томами по истории города, его архитектуре, топонимике, великих жителях и т. д. Так что вполне мог бы курс лекций по москвоведению читать. Только само это слово мне уж больно не нравится.

С гордостью говорю, бравлируя этим, что я коренной москвич. Но сознаюсь: говорю, но знаю, что немножко лукавлю. По установленным кем-то и где-то административным правилам (а может, их и вообще нет) коренными москвичами могут называться только люди, в *третьем* поколении родившиеся и жившие в городе. Дедушки-бабушки, папы-мамы и, наконец, сам. Я же только первый из нашей семьи, кто родился в Москве.

Дед мой по матери – крестьянин из села Ермолова Скопинского уезда Рязанской губернии. Пошел он служить в армию, дорос до первого офицерского чина – прапорщика и попал по службе в город Российской империи – Варшаву. Там мама моя и родилась, и жила до десяти лет, до самого начала Первой мировой войны. Говорила, что в детстве неплохо по-польски «размовляла».

Интересна судьба деда. Был он физически очень силен. Помню, как открыл я рот от удивления, когда он в возрасте под семьдесят лет на столбике крыльца «флажок» делал – это когда на руках перпендикулярно к столбу вытягиваешься. Был дед не просто грамотным, но очень читать любил. Так и запомнил я его: очки на кончике носа, книга на столе...

Была в его жизни одна история, точнее сказать, часть службы, тщательно скрываемая в советское время. Передавалась она в семье только шепотом и под большим секретом. Оказывается, служил он какое-то время в императорской охране! Взяли его туда, вероятно, за силу и грамотность. Помню, как он рассказывал, что чаще всего доверяли ему стоять со знаменем империи на различных церемониях. «Знамя очень тяжелое было, парчовое, с золотым шитьем. И должен был я его всякий раз наклонять, когда мимо проходил кто-либо из императорской семьи. Молодой царевич Алексей любил мимо меня пробежать и смотреть, как знамя склоняется перед ним. А у меня руки потом отсыхали».

В Первую мировую войну дед храбро воевал, два наиболее уважаемых в российском обществе, а у солдат особенно, Георгиевских креста получил. А потом, как мама рассказывала, они все фотографии дедушки с орденами и медалями на груди в огороде жгли и сами ордена где-то закопали. Репрессий боялись, хотя дед в Гражданскую войну за красных воевал. Правда, существует легенда (а может, это и был), что одна фотография хранится у кого-то в семейных анналах – дрогнула рука ее уничтожить. На фотографии на коленях у дедушки сидит цесаревич Алексей. Цены бы не было этому снимку в наше время!

Это про маму и деда.

Родню же своего отца я почти не знаю. Слышал только, что родом он из многодетной семьи одесского сапожника, и даже дату своего рождения отец точно не знал: «Где-то на Пасху».

Так вот, не в Москве отец с матерью родились, молодыми в город приехали, а я все равно считаю себя *коренным москвичом*. Вероятно, потому прежде всего, что я-то родился в самом центре Москвы и всю свою жизнь безвыездно в ней проживаю.

Есть и еще одна причина считать себя коренным москвичом. Угораздило меня родиться в знаменитом роддоме не только столицы, но широко известном и вне ее – роддоме № 1 имени Грауэрмана. Булат Окуджава, Марк Захаров, Андрей Миронов, Александр Збруев, Михаил Ширвиндт... Это самая малая часть родившихся здесь только из среды деятелей культуры. Всего же в роддоме имени доктора Грауэрмана родилось столько знаменитостей, что, как пишут москвоведы, «впору было покрыть его мемориальными досками от цоколя до крыши». «Было», потому что, как и многое другое, связанное с традициями города, роддом закрыли, и ничего говорящего о былой знаменитости на этом доме нет. Для немосквичей или москви-

чей нелюбопытных скажу, что это второе здание, которое примыкает к ресторану «Прага» со стороны Нового Арбата.

Не только гордый факт звания «москвич» дал мне город. Осмелюсь предположить, что каким-то магнетическим способом сами его дома и улицы навязали мне определенные мировоззренческие установки.

Есть в Москве здание, которое справедливо считается шедевром мировой архитектуры. «Успокоение и очищение от забот» проистекает во мне, когда я люблю его совершенными формами, величественной красотой Дворца (только с большой буквы!). Не один я восхищаюсь им. Достаточно и того, что М. Булгаков в ключевой сцене романа «Мастер и Маргарита» поместил своих героев – Воланда и Азазеллу – на «каменную террасу одного из самых красивых зданий Москвы». И в зарубежных книгах о шедеврах мировой архитектуры этот Дворец всегда занимает одно из первых мест.

Речь идет о лучшем, по моему мнению, творении великого русского зодчего Василия Баженова, известном как Дом Пашкова. Стоит он, почти примыкая к Ленинской библиотеке (ныне Российская государственная библиотека), по-своему тоже весьма замечательному по архитектуре зданию.

В школьные годы часто хаживал я в Дом Пашкова, поскольку в нем размещалось отделение Ленинской библиотеки для подростков. Но почему я остановился на этом Дворце? С его «спиной» по краям отходят во двор два длинных двухэтажных флигеля. В них располагались в царские времена помещения для кладовок, для кухни, для прислуги и прочей челяди. Так вот, в советское время они преобразовались в коммунальные квартиры, как говаривали, с одним туалетом на двенадцать комнат. В одну из таких комнат меня и привезли из роддома. По словам родителей, прожил я в ней около года. С точки же зрения моих политических воззрений главное здесь то, что флигели эти выходили на улицу К. Маркса и Ф. Энгельса. Так она называлась до возвращения в наши времена ее старого наименования. Затем младенца (то есть меня) перевезли с улицы *К. Маркса* и *Ф. Энгельса* на улицу *К. Маркса* (ныне вернувшая свое дореволюционное имя – Старая Басманная). На немецкий же рынок, ближайший к нашему дому, часто ходили мы с мамой на улицу *Ф. Энгельса*. Ну как здесь не стать марксистом?

Вернемся теперь после всех отступлений к главной теме главы – дитя войны.

Военные годы как целостного куска своей жизни я не помню. Шесть лет мне было, когда война началась. Но в памяти у меня ярко, как на цветной киноленте, остались отдельные картины, связанные с войной. О них и хочется мне рассказать.

Буржуйка в центре комнаты. Длинная труба идет в форточку. Отец на фронте. Мама печет блины из картофельной муки. Балуюсь, сбросил я затасканные тапочки с ног, и попали они прямо в кастрюлю с тестом. Мама вздохнула, вынула их и продолжила печь блины. На эти блины иногда захаживал заместитель коменданта Москвы, хороший знакомый отца, генерал Киселев (позднее расскажу, почему он и другие весьма видные люди к нам заглядывали). В комнате остро пахнет ацетоном. Это мамина надомная работа: склеивать две пластмассовые половинки опасной бритвы. Иногда я на них под ее руководством выжигал: «Бей фашистов!», «За Родину, за Сталина!».

С генералом Киселевым связано нескольких событий в жизни нашей семьи. Одно из них касалось моей сестры. Была она старше меня, и в военные годы у нее уже появились ухажеры. Один из них особо выделялся. В гости к нам стал заглядывать статный красивый капитан с колодкой боевых орденов на груди. Нравился он мне, я его все про войну расспрашивал. Но мудрой маме моей был он почему-то подозрителен, и она позвала посмотреть на него генерала Киселева. Поговорил тот с ним за столом, порасспросил, а на следующий день ухажера арестовали. Оказался он не просто дезертиром, но и серьезным преступником. О втором эпизоде

моего военного детства, с которым был связан генерал, эпизоде страшном, на всю жизнь на мою душу рубец наложившем, позже расскажу.

Еще одно воспоминание: я хорошо помню вошедший в историю один день осени 1941 года – 16 ноября (это я уже позднее число уточнил). Я вышел на улицу и увидел, что неподвижно стоят на рельсах несколько трамваев № 37. Наш трамвай, на нем с площади Разгуляй мы часто куда-то ездили. Стоят совершенно пустые. Ни вагоновожатых, ни пассажиров. С радостью влез я на место водителя и от всей души стал трезвонить в механический звонок. Исполнилась детская мечта. А потом пошел я по улице в сторону Садового кольца. Улица пустая, никого на ней нет. На тротуарах валяются вещи: какие-то узлы, коляски и почему-то несколько швейных машинок. Вышел на Садовое кольцо, на площадь Земляной Вал и увидел густой плотный поток людей, которые с подобными узлами и швейными машинками шли в сторону Курского вокзала. Шли, чтобы уехать из города. Была это известная московская паника. Весь транспорт встал, заводы закрывались, магазины разорять стали. Немцы последнюю оборону прорвали и на считанные километры к Москве подошли.

Позднее, уже года через два, гостил я у своего двоюродного брата в Ховрино. Любимым местом для развлечения у нас было дойти до моста на Ленинградском шоссе через канал имени Москвы. Не столь молодые (прямо скажем – старые) москвичи хорошо помнят этот мост. Красивая ажурная металлическая арка, на которой на выезде из города крупная надпись «Ленинград», а с противоположной стороны – соответственно «Москва». Это действительно был торжественно-официальный въезд в столицу. Так вот, уже на «московской стороне», недалеко от моста, стоял подбитый немецкий броневик. В Москве стоял! Проскочил он мост, но тут его и подбили. И лазили мы с братом по нему, не понимая тогда, как же это страшно – фашисты в городе...

Уже в зрелые годы приходилось мне встречать в аэропорту Шереметьево молодежные делегации из-за рубежа. И если это была группа немцев (как правило, из ГДР), просил притормозить машину у памятника «Ежи» в Химках. Три огромных противотанковых «ежа» на мраморном постаменте. Отсюда и Москва видна. И с каким-то злорадством говорил я им, что это самый ближний к столице рубеж, на котором стояли фашистские войска. Совсем рядом были, а Москву не взяли. Нехорошее это чувство – злорадство, но что было, то было.

И еще запомнились мне из военных лет деревянные башмаки и походы в театр. Не было детской обуви, и мама достала где-то сандалии с деревянной подошвой и матерчатым верхом. Они совсем не похожи на сувенирные голландские кломпы. Ходил я в них летом прежде всего потому, что в метро босиком не пускали. В них и в театр ходил. В войну, да и некоторое время после нее был для меня только один театр в Москве – Центральный театр транспорта, что на улице Казакова (ныне – «Гоголь-центр»), сравнительно недалеко от нашего дома. Шли там замечательные детские спектакли, из названий помню только «Город мастеров». Денег у меня не было, а попасть в театр очень хотелось. И попадал я в него только одним путем. Молча и долго стоял тощий пацаненок около билетерши. И в какой-то момент отодвигалась она от дверного проема (специально, конечно!), в эту щель я и проскакивал.

Теперь воспоминание об ужасе метро «Павелецкая». Ни до, ни после случившегося не понимал и до сих пор не понимаю я, как может пространство, архитектура помещения так ужасающе сильно влиять на психику человека. И в книгах об этом ничего не встречал. Но это реально со мною было.

Попали мы с мамой на станцию метро «Павелецкая» во время воздушной тревоги. Всех в это время в метро, как в бомбоубежище, загоняли. И очутился я в страшном месте. Широкие, нависающие над человеком, давящие его квадратные колонны на платформе, облицованные темно-серым, почти черным мрамором. Узкие проходы между ними, низкие потолки, которые мне тоже казались черными. Мрачный могильный склеп. Все сильнейшим образом

действовало на психику, особенно ребенка. Мне стало плохо до потери сознания. Я не помню, как мама меня домой довезла.

И с тех пор многие годы мучили меня ночные кошмары: я внутри этого черного страшного склепа. Часто просыпался и в холодном поту ходил по комнате, чтобы успокоиться. Видно, не на одного меня эта станция метро так действовала, поскольку в середине 50-х годов все это было снесено и построили новый вестибюль «Павелецкой» – просторный, светлый. Только в самом его конце почему-то сохранился маленький кусок старой станции с ее мрачными колоннами.

Самые же страшные воспоминания военного детства по какому-то совпадению связаны тоже со станциями, но уже с железнодорожными: подмосковная Правда и вокзал в городе Рязске. Впрочем, это не случайное совпадение, а логика войны.

Сразу же после начала войны начались, как известно, налеты немцев на Москву. Город стали бомбить. Одна из бомб упала буквально метрах в тридцати от нашего дома, а жили мы на первом этаже, и спасла нас от взрывной волны только высокая каменная стена, в которую окна почти утыкались.

Я не помню (а уточнить уже не у кого, нет в живых ни мамы, ни сестры), каким образом и с кем конкретно – то ли с детским садом, то ли с каким-то детским городским лагерем – вывезли меня летом 41-го года из опасного города в безопасное, как считалось, Подмосковье, на станцию Правда. И сразу же после того, как мы сошли с электрички, попали под жуткую бомбежку! Эта станция в 40 километрах от Москвы была крупным железнодорожным узлом, и немецкие самолеты эшелон за эшелон сбрасывали сотни бомб на нее. И лезли мы (малые дети!) под горящие вагоны, бежали под осколками в ближайший лес. Помню (помню!), как упала рядом со мной девочка – вся спина в крови. И рельсы, рельсы... Вагоны, вагоны... Взрывы, кровь...

Вечером мама услышала по радио: «Вчера днем фашисты совершили массовый налет на железнодорожную станцию Правда». С тех пор она в войну далеко меня от себя не отпускала.

И вот снова железнодорожная станция. Уже в городе Рязске, что в Рязанской области. Как мы туда попали? Удивительны поступки людские! Пережили мы в Москве тяжелые дни паники, голодное начало 42-го года, и решила мама податься на родину своей семьи в село Ермолово на Рязанщине. Приехали мы в каменный дом Сивориных (девичья фамилия матери). Приехали и попали как кур во щи!

Почти сразу же по приезде, не знаю точно, почему и как, но оказалось это село как бы на нейтральной полосе. Наши войска отошли от него на несколько километров, а немецкие войска не дошли до него несколько километров. И началась в селе вакханалия! Грабили колхозные сараи, кладовые, магазины. Все по домам разносили. Мама в силу своей любви к культуре сказала, чтобы пошел я в библиотеку (Ермолово – большое село, в нем и Дом культуры был, и большая библиотека) и взял несколько книг. До библиотеки я не дошел. Интересно мне было смотреть, как мужики тяжелые мешки с мукой из сарая таскают. Стою смотрю. И здесь подъезжает мотоцикл с коляской, в нем немцы сидят. Народ застыл, смотрит молча. Немцы засмеялись, автоматами по толпе поводили, поугадили – «пух, пух» – и уехали. Наверное, разведка была. Так я несколько минут в оккупации под немцами был.

А вечером пришла какая-то баба и вкрадчиво стала говорить маме: «Ты уж извини, Ольга, но, когда немцы придут, мы уж скажем, что твой муж коммунист и комиссаром на фронте воюет». И утром стала мама в дорогу собираться. Помню, сшила она что-то вроде маленького рюкзака и на меня примеряет: «Не тяжело, сын?» Дошли мы пешком до Рязска – километров тридцать-сорок. Крупный железнодорожный узел, поезда с севера на юг и с запада на восток идут. На вокзале полно народу. Еле-еле протиснуться можно. Весь пол занят: мешки, подстилки, спящие люди... Дней пять мы на станции жили. Пока светло было, стояли на перроне, встречали поезда, мама пыталась сесть на них, до Москвы доехать.

Помню, как бежали мы вдоль очередного отъезжающего поезда. Медленно мимо нас он проплывает, стучат на стыках вагоны-теплушки, стоят в их открытых проемах люди, сидят, свесив ноги, тесно прижавшись друг к другу солдаты и мужики. Почему-то вместе. Мама бежит и просит, просит посадить нас. Она кому-то деньги дала, чтобы взяли, а нас обманули, не посадили.

Нам уже нечего есть было, с вокзала мертвых увозили. От голода, от болезней умирали. И я, голодный, на полу лежу с воспалением легких. С огромным трудом, но дозвонилась мама до генерала Киселева, и он из Москвы прислал специально за нами дрезину. Приехали мы домой и больше уже никуда до 45-го года не выезжали. А станция в Ржеве так и осталась у меня душевной раной в воспоминаниях. Теперь время рассказать не столько о Киселеве, сколько о моем отце.

Он был коммунистом. Я специально начинаю свой короткий рассказ об отце именно с этого факта, поскольку он был определяющим в его жизни. Сегодня понятия «коммунист», «идеология», «идейный» и им подобные трактуются в основном с негативной оценкой. Утверждается, что большинство коммунистов – примитивные люди, одурманенные нежизненной идеей. Это в лучшем случае, поскольку если они не тупые, а напротив, люди умные, то становились коммунистами только ради карьеры, поэтому они беспринципные, безнравственные, карьеристы и вообще ни в какое сравнение с чистыми и высокоморальными борцами против них не идут.

Несколько слов по поводу примитивности идей коммунизма. Не будем для опровержения подобных взглядов излагать научные основы коммунистической теории. За прошедшие почти два века сотни тысяч томов о ней написано, не счесть, сколько раз за это время ее хоронили, а она все живет. Здесь надо особо подчеркнуть, что речь идет о *социальной теории, а не о ее воплощении в жизнь.*

Так вот, если вывести из теории научного социализма основные, фундаментальные ее положения в виде постулатов, то мы получим известные лозунги: «социальная справедливость», «социальное равенство», «отказ от эксплуатации», «все для человека, все во имя человека», «свободное развитие каждого – условие свободного развития всех», «от каждого по способностям – каждому по труду», «человек – мерило всех ценностей»... Так чем же плохи эти идеи? Что в них аморального, бесчеловечного? И столь ли примитивны или безнравственны люди, которые их придерживаются?

Лично я, достаточно основательно изучая основные социальные теории построения общества с древних времен до наших дней, так и не нашел для себя ничего другого более гуманного, более возвышенного, чем *теория научного социализма*, хотя мнения своего никому не навязываю и людей, разделяющих другие понятия об общественном устройстве, примитивными не называю.

Теперь о беспринципности и безнравственности «не тупых» коммунистов. Конечно, в огромном количестве членов Коммунистической партии за ее длинную историю были люди самые разные по своим моральным качествам. Подлецы и герои, честные и бесчестные, алчные и бесребреники, вруны и правдолюбцы.

Особо хочу остановиться на тезисе о «повальной безнравственности коммунистов» – как я только что прочел в одной известной популярной газете. Конечно, для многих и многих их отец – и гордость, и образец для подражания. Для меня же мой отец еще и воплощение в живом человеке тех высоких духовных качеств личности, которые в книжном виде я долгие годы изучал, разрабатывая современную теорию социологии морали.

Не очень отец любил о себе рассказывать, чаще всего моя мама о его жизни говорила. Ей было что рассказать, они всю жизнь с самой юности прожили вместе.

В бедной семье моего деда по отцу было три сына и две дочери. И все сыновья «пошли в революцию». Именем одного из братьев отца улица в Одессе была названа, еще один вроде был самым первым на Украине, кто был орденом Ленина награжден. Отец же в неполные четырнадцать лет пошел в Красную армию. Воевал храбро, а так как был он к тому времени грамотным, то его приняли в партию. В четырнадцать лет! Дошел он красноармейцем в войсках, которыми М. Тухачевский командовал, до самой Варшавы. Здесь в 1920 году отец в плен попал. «Чудо на Висле!» До сих пор гордятся этим чудом поляки, это когда в последний момент полного их краха польский маршал Пилсудский разгромил нашего Тухачевского. Не буду говорить о том, кто прав, а кто виноват в этой советско-польской войне и почему Красная армия потерпела поражение. Главное – ужас жизни в польском концлагере.

«Не помню, чтобы расстреливали, – вспоминал как-то отец, – но почти совсем не кормили и уж точно никого не лечили. От голода, болезней, холода – каждый день десятками умирали. Мертвые на полу вместе с живыми рядом лежали. Я чудом выжил: случайно попался на глаза ксендзу, и он пожалел тощего подростка и стал приглашать иногда в костел полы мыть. За это и подкармливал».

Это отец вспоминал. Но вот начал я в свое время писать книгу о нем (так и не написал!) и нашел записки поляка, который побывал в этих лагерях для русских военнопленных.

«От караульных помещений, так же как и от бывших конюшен, в которых размещены военнопленные, исходит тошнотворный запах. Пленные зябко жмутся вокруг импровизированной печки, где горят несколько поленьев, – единственный способ обогрева. Ночью, укрываясь от первых холодов, они тесными рядами укладываются группами по 300 человек в плохо освещенных и плохо проветриваемых бараках, на досках, без матрасов и одеял. Пленные большей частью одеты в лохмотья. Из-за скученности помещений, не пригодных для жилья, и совместного тесного проживания здоровых военнопленных и заразных больных многие умирали. Почти полное отсутствие питания, голод... Лагерь представлял собой настоящий некрополь». Напомню, это поляк писал!

Между историками сегодня идет ожесточенный спор: сколько было пленных в Польше и сколько из них живыми остались. Я взял средние цифры из дискуссии: пленных – 140–160 тысяч, вернулось в Россию 80–90 тысяч. Остальные не выжили.

Отец выжил, пришел из плена на родную Украину, и началась его трудовая жизнь. На стройках был, трудовые коммуны организовывал, бандитов ловил. Послали его на учебу в Киев – партийная школа имени революционера Артема. Началась после этого его партийная жизнь. В начале 30-х годов работа в Московском комитете ВКП(б), в агитационно-массовом отделе, которым руководил Г. Маленков, затем секретарем обкома в Рязани, на партийной работе в Омске. Но главное, не на каких должностях работал, а каким человеком был.

Жили мы в Москве вчетвером на первом этаже пятиэтажного дома в двух маленьких смежных комнатках в коммунальной квартире. Сколько раз мама говорила: «Похлопочи, чтобы жилье дали, дочь вырастет, сын». Отец – коммунист с дореволюционным стажем, «руководящий партийный работник», но у него и в мыслях не было квартиру просить: «Оленька, как же вообще об этом можно говорить, когда так много людей хуже нас живут!» Так он практически всю свою жизнь и прожил в многонаселенных коммунальных квартирах. Так и я начал свою семейную жизнь в «слободке» из шести семей с одной кухней, очередь в туалет и неработающей ванной. Ну об этом позже.

Проблемой было заставить отца новый костюм купить, хорошее пальто. «Неудобно шиковать в наше время». Когда я женился, отец взял с меня слово, что я не буду покупать себе обручальное кольцо: «Неужели ты золото носить будешь?!» Можно, конечно, считать это признаком ограниченности. Я же думаю, что это одно из тех особых духовных качеств, которыми отличались коммунисты первых лет советской власти. Материальное для них не было ценно-

стью, к которой надо стремиться. И потом, нельзя жить лучше народа. Не правда ли, странные вещи для современных «руководящих работников»?

Главным в отце была какая-то, я бы сказал, врожденная фундаментальная установка на служение – людям, государству, своим идеям, своей партии, своим друзьям, своей семье. Очень высокое слово «служение», но как иначе обозначить почти полное растворение себя в заботах об этом. Я не помню, чтобы он приходил с работы раньше 10–11 часов вечера, чтобы отказывался ради дела переезжать по стране с места на место, чтобы на просьбу помочь отказал кому-либо, боясь испортить своим ходатайством отношения с начальством... Уже в пожилом возрасте отец полез чинить крышу сарая своему родственнику значительно моложе его. И все это естественное состояние его души, без всякого насилия над собой. Не помнил он и зла, а его было в избытке. Прежде всего – от своей же партии, своего государства. В связи с этим расскажу, думаю, уникальный случай из судьбы отца. По крайней мере, ничего подобного я не встречал, хотя и неплохо знаю трагические страницы нашей истории.

В черном 1937 году работал отец секретарем Омского обкома партии. Поздно вечером в открытое окно его кабинета влетел камень. К нему была провязана записка: «Миша, завтра я приду тебя арестовывать». Записку бросил один из руководителей Омского НКВД Н. Шитиков, друг отца, по-моему, еще со времен Гражданской войны. Порядочный, честный человек – и такие встречались в этом страшном органе! До самой его смерти наши семьи тесно дружили. А какой набор редких марок Шитиков мне подарил, когда узнал, что я их собираю!

Отец предвидел, что его могут арестовать. Ему, конечно, известна была общая обстановка в стране, многих его сослуживцев уже в застенки отправили, родного брата на Украине арестовали и затем расстреляли. Отец вызвал своего заместителя, передал ему печать, ключи от сейфа и сказал, что уезжает в командировку. А сам сел на поезд и отправился в Москву. И в Москве в 1937 году ушел в подполье! Не слышал я нигде, нигде не читал, чтобы в советское время крупные партийные работники в подполье уходили!

Поселился у дальней родственницы жены, потом без паспорта, под чужой фамилией как-то устроился на работу дворником. В ноябре 1938 года начальником НКВД был назначен Л. Берия. Как отмечают почти все наши историки, начал он с частичного «отката» от массовых репрессий. Было освобождено из лагерей, по разным оценкам, от 200 до 300 тысяч арестованных, часть из них была реабилитирована, прекратились аресты по спискам, суды-тройки и т. д. В это время отец и пришел в ЦК ВКП(б) и попросил, чтобы разобрались с ним. Там удивились случившемуся и «разобрались»: послали в Сибирь. Формально, конечно, не сослали – его направили работать председателем исполкома городского Совета в Ялуторовск. Маленький городок, практически поселок, в 90 км от Тюмени. Место ссылки известных декабристов: Муравьева-Апостола, Якушина, Пущина и др. Когда я собирал материалы для книги об отце, то, воспользовавшись тем, что приехал по журналистским делам в Тюмень, съездил в Ялуторовск. Помнят его там! В городском музее увидел хорошие отзывы о нем, его фотографии, фото мельницы, пилорамы и еще чего-то, построенного по его инициативе.

Очень характерен для того времени повод, по которому хотели арестовать отца. Узнали мы это, когда где-то в 60-е годы получили доступ к соответствующим архивам. Так вот, в Омске попала мама в больницу. Медицинская сестра заметила на ней японскую шелковую комбинацию, мама ее специально на рынке купила, чтобы в приличном белье лечь в больницу. Заметила и тут же написала донос в органы, а те решили арестовать отца как японского шпиона. Вот так все «незатейливо» было в 1937 году.

Сразу же после начала войны отозвали отца из Ялуторовска в Москву, призвали в армию в звании майора и направили на работу в городской военкомат, где, кстати, он и подружился с генералом Киселевым. Отец занимал в горвоенкомате достаточно высокую должность. В сфере его деятельности была и работа с творческой интеллигенцией. У нас дома вечерами часто сидели какие-то дяди. Позже мама рассказала, среди этих «дядей» были и И. Эренбург, и К.

Симонов, и другие не менее известные люди. И еще помню, как мама пересказала разговор отца с Эренбургом. «Знаешь, Миша, – говорил он, – мы с тобой как те драные кошки, которых из дома выгоняют и берут красивых котиков с бантиками. Но они мышей не ловят, и когда те стадом на дом нападают, то тут нас и зовут».

Из детской моей военной жизни помню еще, как взял меня один раз отец с собой в черную эмку (для молодых: так в народе называлась распространенная в те годы советская легковая машина) и поехал куда-то по своим делам. Подъехали мы к выезду из Москвы. Машина с номерами комендатуры города, в ней сидит майор, ну и не остановили ее на посту, выпустили из города. Проехали немного, отец приказал вернуться, вышел и стал отчитывать лейтенанта, который пропустил машину.

Совсем недолго проработал отец в военкомате, шесть рапортов написал, чтобы его на фронт отправили, и уже в ноябре 1941-го добился своего – пошел воевать. Так он всю войну и прошел: от подмосковных боев до Кенигсберга. Заместителем командира гвардейского (он очень гордился этим) истребительного противотанкового полка. Ранен, контужен был, но выжил.

Воевал храбро, вся грудь в боевых орденах. Командующий артиллерией 2-й гвардейской армии (в ее рядах он и Севастополь освобождал, и Кенигсберг брал) генерал И. Стрельбицкий в своих воспоминаниях не раз упоминал отца – заместителя командира 113-го гвардейского истребительного противотанкового полка. В частности, описал бой, в котором наши солдаты залегли во время атаки, «и майор Соколов сел за руль виллиса (это такой американский военный открытый джип. – В.С.) и направился на нем на вражеские окопы под разрывами снарядов и пулеметными очередями!» И бойцы встали и отогнали немцев.

Кстати, подобный виллис мне особенно одним случаем запомнился. Зимой 41-го мама на кухне с соседями готовила обед. Я рядом крутился. Окно на кухне выходило на узкий проезд между нашим домом и большой кирпичной стеной. Напомню, что жили мы на первом этаже. Я смотрю в окно и вижу, что к окну подъехал джип. За рулем солдат сидит, а рядом на каких-то ящиках сидит папа! Закричал я от радости, ахнули соседи, маме чуть плохо не стало. Это отец на один час домой заскочил: до линии фронта километров сорок было.

В домашнем архиве хранится боевая характеристика отца: «При его непосредственном активном участии и руководстве в боях с немецкими захватчиками полк заслужил звание “Севастопольский” и награжден орденами Суворова и Кутузова...» И когда я впервые приехал в Севастополь и увидел на склоне легендарной Сапун-горы скромный обелиск – железный стяг, на котором насквозь, как пулевые пробоины, выбито «113 истребительный противотанковый полк», то отчетливо представил, что стоит за одной из отцовских наград – медалью «За освобождение Севастополя». Один же из самых ценных документов нашего семейного архива – справка о том, что майор Соколов – участник Парада Победы в Москве в июне 1945 года. После войны отца не сразу демобилизовали – отправили служить в Феодосию.

В своей бурной событиями жизни отец переболел чуть ли не всеми распространенными в смуту болезнями: два раза сыпным тифом, пневмонией, дифтерией и др. Умер он через четыре месяца (!) после того, как ушел с работы и стал жить на одну пенсию – в 68 лет, не дожив двух месяцев до того, как я защитил свою кандидатскую диссертацию. Он так хотел, чтобы его сын стал кандидатом наук!

Знаю, не меня одного в зрелые, а тем более в «очень зрелые» годы мучает мысль, что мало в свое время ценил родителей, редко баловал их вниманием и любовью. Я не исключение, о чем давно с горечью вспоминаю. Правда, по отношению к отцу было у меня одно благое дело, которым я до сих пор горжусь. Весной 1968 года исполнилось 50 лет партийного стажа отца. Я написал статью «Поздравляю тебя, отец!», где рассказал о его трудной и достойной жизни в героические времена, о его верности делу, долгу, идее. Статья была опубликована в весьма

уважаемой в это время газете «Московская правда». Помню, с каким удивлением узнали на работе о прошлом своего скромного сотрудника, как растрогался отец.

Все я это написал не только для того, чтобы вспомнить об отце (он этого заслуживает!), но и еще по двум важным для меня причинам. Во-первых, чтобы сказать, что нельзя, как это сегодня встречается, огульно всех партийных работников в подлецы и в мздоимцы записывать! Во-вторых, по причине, о которой, может быть, не очень литературно образцово, но очень искренне писал я в той далекой по времени статье. «В понятие “эстафета поколений” входит не только дом, построенный отцом, не только верстак рабочий, который ты перенимаешь от него, но и главный стержень жизни его, в делах славных закаленный. И ты должен знать дела эти, потому что тебе продолжать их. А продолжая, всегда помнить, что придет время и тебе рассказывать о своей жизни сыну своему, своей дочери».

Вернусь вновь к жизни пацана в военной Москве. Жили мы с мамой в то время вдвоем. Отец – на фронте, а сестра... Вот история с сестрой заслуживает отдельного упоминания. Сестра (она была старше меня на девять лет) в июне 41-го была в пионерском лагере под Москвой. Началась война, и руководство лагеря решило эвакуироваться на восток, подальше от столицы, которую в это время уже бомбили. Я не знаю подробностей, но, как потом рассказывала сестра, посередине дороги взрослые бросили детей на произвол судьбы! Да, и такое в войну бывало. И вот 12–15-летние подростки одни пошли кто куда. Сестра больше двух месяцев (!) пешком добиралась до Казани, шла туда, потому что знала, что там работал хороший знакомый отца. Голодала, ела сырую картошку, которую выкапывала на полях, мерзла в стогах сена, но дошла! Разыскала знакомого и осталась там жить до 1943 года.

Еще воспоминания из моего военного детства... В школе переписали всех, у кого отцы на фронте воевали, и выдали талоны на бесплатные обеды. Я этими талонами только два раза и воспользовался. Во-первых, потому что столовая далеко от дома была, но главное – у меня эти талоны прямо в столовой и украли.

Подлинным счастьем были для меня те случаи, когда отец с оказией мог переслать домой свой офицерский паек. Это был американский набор продуктов в лощеной картонной коробке размером с кирпич (ленд-лиз!). Открываешь с трепетом коробку – на самом верху лежат несколько жевательных пластинок. Я почему-то мыл их в воде, не нравилось, что они такие «душистые», с разными вкусами. И уже «голую» резинку долго жевал. Верхом же наслаждения была консервная баночка бекона. Он был уложен в ней кольцом, переложенным пергаментной бумагой. Мама отрывала часть этого ветчинного кольца и давала как редкий заморский деликатес. Помню, что иногда с оказией присылал мне отец с фронта маленькие трофеи: перочинный ножичек с перламутровой ручкой, фашистские ордена-кресты и один раз даже немецкий кортик. Я его потом на хорошую рогатку променял. Жаль – ничего не сохранилось до сегодняшнего дня.

Был я и свидетелем того, как проходил по Москве «парад побежденных». В июле 1944 года колонну пленных немцев (потом уж узнал, что их около 60 тысяч было) проконвоировали через весь город. Пришел я с друзьями на площадь Земляного Вала, что на Садовом кольце, немцев посмотреть. Все тротуары людьми забиты. Тогда мы забрались на крышу троллейбуса, благо его «рога» были опущены. Впереди шагали немецкие генералы, за ними шеренги солдат, грязноватые, в мятых, часто рваных мундирах. Некоторые с любопытством смотрели по сторонам, большинство же шли, опустив голову. Что до сих пор удивляет меня – огромная толпа людей на тротуарах стояла молча. Ни выкриков, ни проклятий, ни поднятых кулаков... У многих из них родные погибли от фашистов, до конца войны еще долгие месяцы оставались. Молча, отрешенно, без особого любопытства смотрели люди на немцев – и молчание это пострашнее криков было.

В конце колонны военнопленных шли поливальные машины – смывали всяческую нечисть с московских улиц. Лучшие сегодняшние пиарщики не смогли бы придумать такого хода!

А вот из окончания войны я запомнил только один эпизод. Мама в честь праздника дала мне деньги в подарок. Я пошел в магазин и купил на них в коммерческом отделе (без карточек!) слойку. Есть не стал, а принес ее домой, чтобы всех угостить. Мама такие же сладкие булочки дома пекла – и с досады бросила она мою слойку в меня. До сих пор обидно.

Кончилась война, и отец вызвал нас в Феодосию, где он был назначен заместителем военного коменданта. В военное детство я включаю и время жизни в этом городе. Включаю потому, что было оно для меня, пожалуй, самым опасным в жизни. Крым сразу же после войны: разрушенные дома, запустение, но главное – огромное количество самых разнообразных военных боеприпасов, укрытых в развалинах, спрятанных в ямах, в каменных расщелинах. Я быстро вошел в компанию, мягко скажем, местной шантрапы, любимым делом которой были поиски этих боеприпасов. Находили артиллерийские снаряды, на конце с такими кнопками-пипочками на маленьких «столбиках» – взрыватели, шли к обрыву и бросали вниз, стараясь, чтобы пипочка о камень стукнулась. Раздавался взрыв, мы радостно разбегались. Однажды, гуляя по заброшенной набережной, случайно отодвинули на ее парапете камень и увидели под ним глубокую нишу, забитую рассыпным порохом. Кто и почему туда порох ссыпал – не знаю. У нас хватило ума не взрывать весь порох, мы бы, наверное, тогда половину набережной разворотили. Просто стали отсыпать порох в карманы и потом поджигали его кучками, дорожками. Несколько раз нас милиция ловила за «взрывными» занятиями, в камеру сажали. Тогда обязательно кто-нибудь из пацанов говорил, показывая на меня: «Его отец – Соколов». Фамилия в городе известная была, милиция после проверки меня домой отвозила. Дома бить не били, но очень ругали. Вообще-то за дело: из нашей компании в шесть-восемь ребят двое насмерть подорвались, один без рук остался. Меня Бог миловал. Погибнуть в Феодосии я мог не только от взрывных забав, но и от штормовой волны.

Местные ребята научили меня купаться в шторм. Это, конечно, не купание, а весьма опасный трюк, и надо уметь выполнять его. Прежде всего надо дожждаться, когда море на 15–20 метров отступит от берега, собирая силы и дождавшись этого, надо как можно быстрее бежать по обнаженному дну навстречу поднимающейся волне. Волна может быть огромной, больше четырех метров высотой, и здесь, вдали от берега, надо нырнуть под самый ее «корень». Она понесет тебя назад к земле, и тут ты вынырываешь и что есть силы стараешься остаться на месте, сопротивляясь тому, чтобы волной быть выброшенным прибоем. Затем, дождавшись, когда волна начнет откатываться обратно, опять же изо всех сил грести к берегу. Вода сопротивляется, она стремится уйти подальше в море, тащит тебя туда, а ты борись, плыви и, выскочив на дно, стремглав беги к берегу, чтобы не накрыл тебя новый зловец громяхующий вал. Рискованно, но увлекательно. Долгое время уже во взрослом возрасте я, красуясь перед девушками, демонстрировал это свое умение. Вот, пожалуй, и все, что я помню из жизни в Феодосии. Даже не скажу, сколько мы там прожили: год, полтора?

Демобилизовали отца из армии, и мы вернулись в Москву, домой на свою улицу К. Маркса, дом 22. Как хорошо жить на *своей* улице, где тебе каждый дом знаком, где все выбоины знаешь, все закоулочки! Отвлечемся немного: что же значит, и зачем это «...где тебе каждый дом знаком»?

Я считаю любопытство (ну по-научному точнее сказать – «любопытность») одним из важнейших свойств ума. Причем любопытность является и одним из *критериев его развитости* и *непременным условием его развития*. Как сказал Сократ, «если ты будешь любознательным, то будешь многознающим». Недаром великий А. Эйнштейн призывал: «Не утрачивайте с годами святой любознательности». Святой! Если уж дошло дело до цитат, то скажу,

что любимым моим афоризмом (чаще всего приписываемым К. Тимирязеву) является: «Надо знать обо всем немного и все о немногом». И это не просто красивый оборот речи, это прямой путь интеллектуального развития. Академик Н. Бехтерева, долгие годы бывшая научным руководителем Института мозга РАН, утверждала, что нет ненужной, бесполезной информации, что чем больше в мыслительном процессе участвуют самые разнообразные нейронные информационные цепочки, тем больше вероятности сделать выдающееся открытие, да и вообще тем умнее и глубже человек.

Не только в силу подобных знаний, а и по причине особенности моего характера и сознания я не понимаю людей нелюбознательных, которых мало что интересует. Скажу честно, не только не понимаю, но такие люди меня раздражают, я считаю их недалекими, ограниченными, неинтересными для общения. Особенно это касается человека молодого. Идет такой рядом со мной, я ему показываю гостиницу «Метрополь», уникальное мозаичное панно Врубеля «Принцесса Греза» на ее фасаде, говорю о русском модерне, а ему это все до лампочки: «Да неинтересно мне это и не нужно!» Единственная надежда, что многие из подобной молодежи поумнеют с возрастом, пробудится в них тяга к расширению своего кругозора. Иначе беда – получим мы «общество людей ограниченных возможностей».

Так вот, можно просто пройти к себе домой от Земляного Вала по улице К. Маркса (напомню, теперь ей вернули прежнее название – Старая Басманная), а можно идти, зная ее интересные места, зная историю домов, которые на ней стоят. Совершенно разные прогулки будут!

Вот Сад имени Баумана (мы его называли одним словом «садбауман»). Здесь стоял когда-то флигелек, в котором почти двадцать лет жил удивительный человек, писатель и философ, патриот и западник, которого так уважал Пушкин, – П. Чаадаев. Сюда к опальному философу, официально объявленному сумасшедшим и жившим под домашним арестом, заглядывали кроме Пушкина и Гоголь, и Тургенев, и Герцен... Вот тебе и садбауман! У меня же связано с этим садом и одно «нюхательное» воспоминание.

Когда после войны вернулся на родину знаменитый наш шансонье А. Вертинский, то один из концертов он давал в скромном деревянном театре Сада Баумана. Мама повела меня на этот концерт. Вошли мы с ней в зал и зажали носы – в зале сильнейший запах нафталина! Дело было летом, жарко, но многие дамы пришли в меховых накидках, горжетках, чаще всего из лисы. Долгие годы ожидания быть надетыми в подходящем случае, лежали они в сундуках и на антресолях, щедро пересыпанные нафталином.

Пойдем дальше по улице. Где-то посреди нее прямо на проезжую часть гордо выходит красивый дворцовый фасад (дом № 21). Удивительно интересна его история. Первоначально построил этот дворец князь А. Куракин. Потом его длительное время арендовал французский посол-маршал Мармон. Так вот, в сентябре 1826 года в один и тот же день, в одни и те же часы на «моей» улице находились одновременно два человека: император Николай I на балу у французского посланника и А. Пушкин в гостях у своего дяди Василия Львовича (дом № 36). Не слабо!

С куракинским дворцом связано еще одно историческое событие, и тоже с императором, но уже с Николаем II. Кровавая ходынская трагедия 1896 года. По официальным данным, погибло тысяча четыреста человек, по другим данным – около двух тысяч! На следующий день после их гибели французский посланник давал бал в том же дворце на Старой Басманной в честь коронации Николая II. Некоторые отговаривали императора ехать на бал, советовали траур объявить. Он же поехал и открыл его танцем с женой посла. В 1906 году, после поражения в Русско-японской войне, поэт Константин Бальмонт написал стихотворение «Наш царь», в котором есть пророческие строчки: «Кто начал царствовать – Ходынкой, // Тот кончит – встав на эшафот». Мы еще вернемся кратко в своей книге к царю, возведенному церковью в наши дни в святые страстотерпцы, сейчас же продолжим путь домой по Старой Басманной.

На углу Старой Басманной и Бабушкина переулка – старинный красивый классический особняк – родовое гнездо Муравьевых-Апостолов, семьи, давшей российской истории сразу трех декабристов. Неслучайно поэтому сейчас в нем располагается Музей декабристов. Особняк этот запечатлен в прекрасном фильме «Анна на шее», когда князь (А. Вертинский) подъезжает навестить Анну (актриса А. Ларионова).

Ближе к концу улицы стоит скромный одноэтажный деревянный дом № 36. Здесь жил любимый дядя Пушкина, поэт, бонвиан и жуир. Сейчас здесь прекрасный музей его имени, а я помню, как заходил в этот дом к своему однокласснику в комнатушку в многонаселенной коммунальной квартире.

И наконец, уже на конце улицы, на площади Разгуляй – дворец Мусина-Пушкина. Здесь во время пожара сгорел подлинник исторического «Слова о полку Игореве». Кстати, достаточно широко известная площадь Разгуляй существует только в общественной молве, официально (топографически) ее нет. По крайней мере в годы моей жизни не было никаких табличек, что этот маленький треугольник на пересечении улиц Старой и Новой Басманных, Спартаковской и Доброслободской и есть площадь Разгуляй. Но все ее так называли, а я особо гордился тем, что в любимой моей книге А. Толстого «Петр I» описано, как Алексашка Меньшиков вскочил на запятки кареты царя именно на Разгуляе.

Даю честное слово, что все это, как и многое другое, я узнал не сегодня и не посредством Википедии, а познавал подростком, прежде всего через книги.

Последний поворот направо перед площадью Разгуляй – Токмаков переулок. Здесь стоит школа № 346, где я учился. От дома, где мы жили, минут десять ходьбы. Школа в чем-то знаменитая. Конечно, не тем, что я ее оканчивал, а тем, что в ней учился великий наш артист Ю. Никулин, о чем он и написал в своих воспоминаниях. По мне, «знаменита» она была своей усредненностью среди московских школ по всем показателям. И не элитная, и не бандитская, и не центральная, и не окраинная.

Что же являла собой школьная жизнь в 50-е годы прошлого столетия, так ли хороша была советская система школьного образования, как об этом так часто сегодня говорят? «Я не расскажу про всю систему» (на мотив известной песни про Одессу), но 346-я средняя во всех отношениях школа частично может дать ответ на этот вопрос. Как я заметил, у многих людей школьные годы западают в памяти на много лет, может быть – на всю жизнь, у многих даже больше, чем годы институтские. У меня школа тоже запала, я даже во все свои коды в нашем цифровом мире включаю ее номер.

Разные были учителя в школе. Была молодая краснощекая провинциальная молодка в младших классах, которая говорила «красивши». Была в 8–9-х классах блестящий учитель по литературе – Роза Даниловна. С ней нам повезло, хотя ей с нами, думаю, не очень. В конце жизни «великого Сталина» в стране резко усилился антисемитизм. Как говорил мой школьный друг Витя Блинкин, «я только в это время в свои 14 лет узнал от окружающих, что я еврей». Так вот, Роза Даниловна работала доцентом в МГУ, откуда ее в числе многих других «лиц еврейской национальности» выгнали, и вместо университетской аудитории – средняя школа со средним, шпанистским классом, не очень ее любившим, вероятно, из-за проявляющегося в ней высокомерия. Для меня же она стала одним из тех людей, кто проложил мне тропинку в необъятном мире художественной литературы. Любил я литературу так, что был у меня в школе один уникальный случай. Ушла в девятом классе Роза Даниловна, не выдержала школьной жизни. И сравнительно долгое время оставались мы без учителя, а в наше время каждый школьный год заканчивался экзаменами, и надо было писать сочинение, готовить же к нему некому. И тут, не помню, кто именно, мне предложили вести уроки литературы в своем классе. Я и согласился. Ученик ведет уроки! Надо сказать, что, несмотря на общую шпанистскую атмосферу, одноклассники спокойно и даже доброжелательно меня приняли в роли учителя. Дело,

правда, ограничилось только моим рассказом о романе Н. Чернышевского «Что делать?» и его теории разумного эгоизма.

Была в школе и желчная старая дева – преподаватель химии, наша классная руководительница, на чьих уроках весь класс, не разжимая губ, мычал неприличные стихи в ее адрес. Был всеми любимым учитель английского языка. Повторюсь, разные по своему педагогическому уровню учителя были. Отсюда и разный уровень обучения.

Но вот что интересно. В школе я весьма посредственно учился, до седьмого класса почти отличником был, а потом на тройки сполз в основном из-за математики и химии. При этом я на всю жизнь довольно много помню из школьного курса астрономии, физики, ботаники, логики (и такой предмет в наше время в школе был!), не говоря уж о литературе, с которой у меня, как я уже писал, с самого раннего детства особые отношения сложились. У современных же выпускников, как мой опыт преподавателя вуза говорит, школьный курс оставляет в их головах весьма убогий багаж знаний, который к тому же с удивительной быстротой выветривается.

Трудно однозначно ответить, в чем здесь причина. Может быть, какая-то особая атмосфера в обществе по отношению к школе была, может быть, потому что для родителей школьные отметки имели большее значение, чем сегодня, может, из-за бесчисленного количества контрольных работ и экзаменов в наше время. Только экзаменов, начиная с пятого класса, мы сдавали по шесть-девять штук каждый год! Контрольные работы по разным предметам мне лет двадцать после окончания школы в кошмарных снах снились. Кстати, чтобы поступить на филфак своего института, я шесть экзаменов сдавал. Как-то я подсчитал, сколько всего за время своей учебы государственных экзаменов сдал (школьных, вступительных, институтских, в аспирантуре, кандидатских и др.). Сто восемнадцать! Это тебе не ЕГЭ! В целом же я положительно отношусь к экзаменам, считаю, что они помогают и упорядочить в голове учебный курс, и психологически закалить человека.

Школьные годы вспоминаются не только учебой. Именно в школе в советское время успешно проходил процесс формирования важнейших качеств личности: человека нравственного, развитого, с разносторонними интересами, граждански активного. На это была общая установка государства, и школа, и все соответствующие учреждения эффективно ее осуществляли. Во всех школах были самые разнообразные кружки, секции: моделирования, рисования, спортивные и т. д., почти в каждой – свой самодеятельный театр, музей (военный, краеведческий, героев-выпускников и т. д. и т. п.), регулярные походы в крупнейшие театры, на выставки, различные экскурсии, встречи с интересными людьми и многое, многое другое. Естественно, все это бесплатно. И рядом – Дворцы пионеров, в которых все это в еще большем объеме, более профессионально, материально обеспечено. Скажут: и сегодня у нас есть и школьные кружки, и различные детские секции. Это так, но, во-первых, чаще всего они платные, во-вторых, их значительно меньше, чем в советские времена, и, в-третьих, и это, пожалуй, важнее всего, среди детей, подростков не существует установки на то, чтобы ты обязательно где-то что-то помимо школы делал, чем-то занимался, что без этого ты «выпадешь» из коллектива своих сверстников. Сегодня же в большей степени «выпадают» из общего потока те, которые благодаря благосостоянию своих родителей могут посещать что-то вне учебного процесса. В подтверждение сказанного сошлюсь на свои школьные годы.

Ходил я в свой Бауманский Дворец пионеров, что на Спартаковской площади располагался, там сейчас театр «Модерн». Ходил сразу в две секции: художественного чтения и туристическую. Много чего они мне в жизни дали, точнее, *для жизни*.

В первой были серьезные занятия со специалистами по технике речи (до сих пор помню и скороговорки, и «растяжки» для губ), по актерскому мастерству, по анализу текстов, по классическому московскому произношению (в те годы оно было эталонным в стране и для дикторов, и для актеров). Учили фразы: «КонеШНо, горниШНую надо в булоШНую послать за хлебом». И сегодня не могу слышать «скуЧно» вместо «скуШно», «Что» вместо «Што», «конеЧно» вме-

сто «конеШно»... Хорошие это люди, но не москвичи! Правда, надо честно признаться, что столь правильная московская речь с течением времени неуклонно исчезает. Это естественный речевой процесс. Вспоминается в связи с этим один эпизод из моей жизни.

Моя сестра была высококвалифицированным преподавателем русского языка для иностранцев, автором пособий по этому предмету. И попросила она меня записать на магнитофон отрывок из художественного произведения: «У тебя же почти классическое московское произношение». Я возрадовался, записал. Через какое-то время спрашиваю:

– Ну как, часто используешь запись?

– А я ее стерла. Зачем учить иностранцев говорить так, как сейчас почти никто не говорит?

Но все же, конечно, занятие художественным словом много мне дало. На всю жизнь запомнил, как в нашей студии одно занятие провела знаменитая актриса МХАТа Алла Константиновна Тарасова – тогда распространено было разного рода шефство. И так уж выпал жребий, что именно со мной она позанималась. Конечно, не только благодаря одному занятию с легендарной актрисой, но завоевал я первое место на районном конкурсе чтецов. Получил грамоту и книгу А. Игнатъева «Пятьдесят лет в строю», прекрасная, кстати, книга, я ее залпом за трое суток прочел. И послали меня как победителя на городской конкурс, который проходил в легендарном Колонном зале Дома Союзов. Это школьный конкурс чтецов! В Колонном зале! «Вы, нынешние, ну-тка!» – хоть что-то подобное сегодня есть? Увы, на городском конкурсе никаких призов я не получил, не смог побороть волнения, стоял на огромной сцене, и так дрожали колени, что больше всего я боялся, что дрожь эта через штанины видна будет.

В туристической секции Дворца пионеров научили меня разбивать палатки, одной спичкой разжигать костер, ходить по азимуту и многим другим премудростям. Учили не теоретически, а в походах, их было столько, что, как и полагалось по закону, получил я значок «Турист СССР», он и сегодня является предметом моей гордости. Позднее, работая уже учителем, я «профессионально» повел свой класс пешком из Москвы в Ясную Поляну.

Занимался я в различных кружках-секциях не только в школе и во Дворце пионеров. В седьмом классе я узнал, что есть в Москве на Садовом кольце в районе Самотечной площади Клуб юных автомобилистов – КЮА. Несмотря на то что это довольно далеко от моего дома, я записался в клуб и ездил на занятия больше года. Семь человек записались туда из нашего класса, но дотянул до конца только я один (горжусь!). Практику вождения мы проходили на полуторке ГАЗ ММ. Кто не знает, это такой грузовичок древний, очень распространенный в войну и в послевоенные годы. Получил после сдачи экзаменов юношеские права (как ценный экспонат храню их в своем семейном архиве) и часто приходил в клуб поехать с инструктором по Москве. В 18 лет обменял эти права на взрослые. Так что стаж вождения у меня больше полувека. Все это о том, что давала советская школа для общего развития личности, а теперь о формировании человека граждански активного.

Каждый раз меня передергивает, когда читаю я в современных официальных (!) документах, что школа призвана предоставлять только «образовательные услуги», что воспитание или, упаси бог, что совсем уж страшно – формирование идеологии ну никоим образом не входит в ее обязанность. Адепты подобного бреда в упор не видят, что нет *ни одной школы в мире*, где бы самыми разными способами – тонко и изобретательно или грубо и примитивно, традиционно или новаторски – не воспитывали бы своих учеников в духе господствующей морали, господствующей государственной идеологии. Они напрочь «забыли» мудрые слова Бисмарка. Обычно слова эти цитируются кратко, я же позволю себе привести их более подробно, тем более что я ни в коей мере не собираюсь злоупотреблять цитатами в моей «биографически-публицистической» книге: «Отношение государства к учителю – это государственная политика, которая свидетельствует либо о силе государства, либо о его слабости. Войны выигрывают не генералы, войны выигрывают школьные учителя и приходские священники». Здесь прихо-

дится еще дальше отступить от «просто воспоминаний» – необходимо разъяснить само понятие «идеология».

После крушения СССР, пожалуй, больше всего досталось именно понятию «идеология», оно стало трактоваться как бранное слово, как нечто страшное и присущее лишь тоталитарным режимам. «Все демократии живут без идеологии», «Какой ужас, если к нам вернется идеология!», «Наконец-то у нас нет никакой идеологии» – это только некоторые высказывания весьма авторитетных людей из популярной телепередачи «Культурная революция». Говорить, что нам не нужна и, более того, вредна идеология, – это все равно что говорить «давайте жить как животные», потому что главное, что отличает животное от человека, – это как раз и есть осознанное отношение к миру и мораль! Не вдаваясь в серьезный научный анализ, попробуем, что называется, на пальцах разъяснить значение некоторых понятий, что, кстати, облегчит дальнейшее плавное описание жизни конкретного человека в конкретное время.

В результате революций, переворотов, выборов и прочих законных и незаконных «процедур» к власти приходят представители определенных партий, социальных слоев, групп людей. Они имеют свои представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, практически во всех основных сферах общественного бытия: экономической, политической, правовой, образовательной, в сфере нравственных отношений и т. д. Так, современные власти России считают, что в экономике наиболее эффективным является частная собственность на средства производства, рынок, в политике – многопартийность, в государственном устройстве – демократия, запрещение цензуры и т. д. Власти же других государств за благо считают общенародную собственность, политика основывается на религиозных догмах, лучшая форма государственного устройства – монархия и т. д. и т. п.

Вот эта *система базовых, основополагающих представлений, идей, ценностей, определяющих суть политики государства во всех сферах общества (содержание, направленность развития, способы решения социальных проблем и др.) и есть государственная идеология.*

Ни одно государство, ни одна социальная структура не может успешно функционировать, не имея четкого представления о том, по каким основным принципам, исходя из каких понятий следует обустроить общество! Поэтому у меня и возникают большие сомнения по поводу ст. 13 Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Обязательной – согласен. Но отсутствие государственной – абсурд! Разве такие положения в Конституции РФ, как то, что «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», что она является социальным государством, что в ней признаются все формы собственности, что церковь отделена от государства и другие – не есть именно ее господствующая *государственная* идеология? Определение этой идеологии как *господствующей* подчеркивает тот факт, что в обществе могут существовать и другие понятия об основах государственного устройства, но именно фундаментальные положения господствующей идеологии зафиксированы в конституциях, законах, озвучиваются в различных выступлениях представителей власти, внедряются через пропаганду в сознание людей, поощряются приверженцы и преследуются противники и т. д. Представления о различных ценностях жизни есть и у каждого отдельного человека. Они побуждают человека действовать определенным образом: выбирать ту или иную работу, спасти утопающего или не подвергать свою жизнь опасности, идти защищать родину или дезертировать, жертвовать или нет для других чем-то важным, считать деньги главной ценностью или нет и так далее, и так далее. Совокупность основных оценок действительности точнее будет назвать *мировоззрением* (миропониманием) конкретной личности. Оно может совпадать с господствующей государственной идеологией, может не совпадать, но это уже другая проблема.

Советская школа весьма успешно формировала мировоззрение личности во всем его многообразии: цели жизни, ее ценности, понятия добра и зла, оценка всех поступков и всех времен... Всего, всего... И здесь важно подчеркнуть два момента.

Во-первых, это был *единый непротиворечивый воспитательный процесс*. Если уж, например, в господствующей идеологии утверждался патриотизм как ведущая характеристика отношения к Родине, провозглашался приоритет коллективизма над индивидуализмом, то в преподавании не только истории и литературы, но и химии, физики, географии и во всех других школьных дисциплинах, во всей внеклассной работе выделялись, подчеркивались именно эти ценности. Иногда притянутые за уши, иногда примитивно трактуемые, но часто убедительные. До сих пор я помню свое сообщение на уроке физики об изобретателе парашюта Г. Котельникове. Знания физики за ненадобностью в жизни почти полностью позабылись, а то, что *первыми в мире* парашют изобрели в России, помню.

И, во-вторых, в советской школе, как и в обществе в целом, был создан хорошо отлаженный, эффективный *механизм формирования личности в духе господствующей идеологии*. Главное – это была целостная система. Чуть ли не с самого рождения человек переходил из одной «воспитательной» (в широком смысле) организации в другую: октябрята для самых маленьких, пионерия, комсомол. Окончил школу – для многих партия и для всех – трудовой коллектив. И везде особое внимание – воспитанию нравственных качеств и социальной активности. Критики всего советского скажут: вбивалась в головы «единственно правильная идеология коммунизма». Конечно, так и было. Но разве плохо, что помимо проповедей целого ряда застывших догм воспитывались коллективизм, интернационализм, ценности семьи, дружбы, работы, общественного уважения и прочие высокие духовно-нравственные качества? Плохо воспитывались? Как сказать. Чем же тогда объяснить, что десятки (сотни!) тысяч молодых людей добровольно ехали и целину поднимать, и БАМ строить, что так велика была общественная активность людей, что, как показывают серьезные социологические исследования, ведущими ценностями для большинства народа были интересная работа, общественное уважение, семья, всестороннее развитие и потом уже материальное благополучие? Да много еще чего можно вспомнить из того, что сегодня потеряли. Никак понять не могу, почему, в частности, новые власти России распустили пионерскую организацию. Ну заменили бы лозунг «К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!» на лозунг «К борьбе за счастье своей Родины будь готов!» или на какой-либо другой, но оставили бы и пионерские лагеря, и походы, и костры, и спортивные и военные игры, и шефство над ветеранами, и многое, многое другое, что, без сомнения, облагораживает личность.

Когда я добрым словом вспоминаю советскую власть, то это не значит, что мне она во всем нравилась, что я бы хотел возродить ее в полном объеме. Для меня удивительно другое: как могут люди, считающие себя образованными, умными, в своих оценках событий, явлений исходить не из всей совокупности фактов, а только из тех, которые соответствуют их убеждениям! Другие же факты просто отбрасываются или считаются ничтожными. Может быть, потому что я профессионально изучал философию, но для меня совершенно недопустимо, а попросту говоря, безграмотно оценивать что-либо только с одной позиции, только как черное или белое, как полностью положительное или полностью отрицательное.

Один из законов теории диалектики гласит: «Каждый объект имеет противоположные стороны, свойства, тенденции, которые, взаимно дополняя и отрицая друг друга, раскрывают при этом его объективную сущность». Ну не читал ты Гегеля, но ведь можно просто по-житейски предположить, что нельзя анализировать любое явление исходя только из своего субъективного отношения к нему, игнорируя все, что тебе не подходит. Многие из квазилибералов – не могут. Для них советский период – только зло, людоедство, черная дыра.

Я уже писал, как в *советское время* в детстве мог бесплатно учиться и машину водить, и стихи декламировать, и в пионерском лагере отдыхать, и на экскурсиях ездить.

Не забуду и того, как в голодные послевоенные годы заболел я туберкулезом. Заболел серьезно, туберкулез в открытой форме, болезнь зачастую смертельная. Меня вылечили не на пожертвования на больных детей, которые столь распространены сегодня и которых вообще не было в мое время, не частные больницы – их тоже не было, а *государственная система* заботы о детях. На год отправили меня в лесную школу в подмосковное Быково. Удивительное это было заведение! Красивый деревянный дом в лесу. Там нас лечили и лекарствами, и едой, и природой, и лесным воздухом. Днем зимой мы спали в меховых спальниках на открытой веранде. Мама потом рассказывала, что нас кормили собачьим жиром, он считался полезным при туберкулезе. Не знаю, кормили им или нет, но за год я полностью вылечился. Там, кстати, мы не только лечились, но и занимались по полной школьной программе, так что учебный год можно было не пропускать. Что-то я не слышал о подобных бесплатных лесных школах сегодня, где бы и лечили, и учили. После лесной школы в Быкове меня поставили на учет в районный туберкулезный диспансер. Там в течение многих лет меня регулярно осматривали, летом посылали на юг, чтобы дышал морским воздухом. И следа никакого от моего туберкулеза не осталось.

Не могу не вспомнить и то, что в шесть лет дочка моя прошла конкурс и стала учиться танцам (естественно, бесплатно!) в известном на всю страну детском, по сути, профессиональном ансамбле имени В. Локтева, а потом и выступать в нем.

Но одновременно с этим я помню и чудовищные по своей глупости «идеологические действия». Дочь училась во втором классе, когда ансамбль В. Локтева стал собираться на гастроли в Германию (естественно, в ГДР). С детей, участников ансамбля, потребовалась характеристика от райкома комсомола об их учебе, поведении. Мы тоже такую справку на дочь получили, но нам сказали, что принять ее не могут, ибо в ней отсутствует обязательное заключение: «Политически грамотна, морально устойчива». Это на ребенка в восемь лет! И пришлось идти в райком и просить, чтобы вписали эти слова.

Помню я и то, как довольно часто на ступенях моей школы стояла директриса и не пускала ребят с длинными, по ее мнению, волосами или с широкими брюками в одно время и узкими – в другое. Все это было. Вернемся, однако, к моим далеким школьным годам.

Как себя помню, с самого раннего детства отличался я некоторыми весьма ярко выраженными особенностями моих жизненных ценностей, устремлений. Во-первых, любовью, тяготением к гуманитарной сфере: культуре, искусству и особенно к литературе. Во-вторых, повышенной любознательностью. Все время стремился узнавать что-то интересное из окружающего мира, из самых разных наук, из архитектуры, из техники, из фотодела и т. д. В-третьих, рос я весьма активным, боевым, стремился стать лидером в коллективе, у меня всегда был большой интерес к политике, к общественной деятельности. Таким всю жизнь и оставался.

Понять, откуда все это, трудно. Мама моя никаким особым воспитанием не занималась: не было назидательных бесед, принуждения к каким-либо занятиям. Отец целый день с прихватом занят был на своей работе. Со старшей сестрой, так уж сложилось, немного лет вместе жили. Так что же меня воспитало в подобном духе? Думаю, сама аура жизни в доме и во дворе.

Что же особенного было в жизни моей семьи? Характерным для нее была широта жизненных интересов, теплое, участливое отношение к людям, какое-то особо трепетное отношение к культуре. Частые разговоры, споры (особенно на кухне) на самые разнообразные темы: международные события, научные открытия, рассуждения о высоких материях, обсуждение творческих новинок. Походы в театр, на концерты, покупка книг...

Казалось бы, достаточно мелкая частная деталь: в доме у нас почти всегда было включено радио и вся семья любила его «коллективно» слушать. Какие же интересные передачи были! Театральные радиопостановки (почти всю классическую драматургию я в детские годы по радио прослушал), выступления лучших чтецов (многие ли сейчас вспомнят, как прекрасно

читали стихи Д. Журавлев, В. Яхонтов, Г. Сорокин), концерты знаменитых артистов, певцов, смеялись на передачах Ираклия Андроникова, Эммануила Каминки... С нетерпением ждал я свои любимые передачи для детей «Клуб знаменитых капитанов», «КОАПП. Репортаж о событиях невероятных», «Радионяня». До сих пор (а сколько уже лет прошло!) напеваю иногда песенку из «Клуба знаменитых капитанов»:

Медленно и чинно сходим со страниц,
Шелестят кафтаны, чей-то смех звенит,
Все мы капитаны. Каждый знаменит.
Нет на свете далей, нет таких морей,
Где бы не видали наших кораблей.
Мы полны отваги, презираем лесть,
Обнажаем шпаги за любовь и честь.

А что за герои были в этой передаче: капитан Немо, Гулливер, Робинзон Крузо, Тартарен из Тараскона, Мюнхгаузен, Жак Паганель... Какие интереснейшие и познавательные истории в них рассказывались! И узнавали мы имена «создателей» капитанов – знаменитых писателей: Жюль Верн, Джонатан Свифт, Даниэль Дефо, Альфонс Доде – и тянулись читать их книги.

Что характерно, и здесь проявился идеологический пресс времени. Была опубликована разгромная статья о передаче в одной из центральных газет, чуть ли не в «Правде»: «Чему учат?! Низкопоклонство перед Западом: все капитаны – иностранцы!» Испугались слушатели, что закроют передачу. Действительно, какое-то время она не выходила, но потом добавили в нее советских капитанов – Григорьева из повести Вениамина Каверина «Два капитана» и Воронина из научно-фантастического романа Григория Адамова «Тайна двух капитанов», и передача появилась вновь.

Провел я недавно с коллегами один не самый репрезентативный, но весьма поучительный опрос, спросили у 287 современных подростков (москвичей!) в возрасте 14–17 о том, кто из них что-либо знает об этих знаменитых капитанах из передачи. *Никто из них вообще ничего не знает, ничего не слышал о них* (за исключением, пожалуй, Мюнхгаузена, о котором вспомнили некоторые)! Никто не знает и авторов этих героев и, естественно, не читал их книг!

О моем чтении в школьные годы – разговор особый. В нашем доме был культ книги. Почти всегда дома в течение дня можно было застать читающего. Я не помню, сколько лет мне было, когда я начал читать книги, но хорошо помню, какую роль они играли с самого начала моего осознанного существования. Я читал практически непрерывно! Исключение составляли, наверное, только уроки в школе, еда и сон. Домашние же задания я выполнял, сидя за письменным столом с открытым ящиком. В этом ящике лежала книга, которую я читал, и, когда мама опасно близко подходила к столу посмотреть, как я делаю уроки, я движением живота задвигал ящик и внимательно разглядывал лежащие на столе учебники. Когда все ложились спать и выключался свет, я закрывался одеялом, зажигал фонарик и продолжал читать. Мама пыталась побороть подобное, по ее мнению, патологическое чтение. Уникальным было ее письмо в «Пионерскую правду», которую мы выписывали! Газета из номера в номер призывала как можно больше читать книг, объясняла, как это полезно, пропагандировала литературу для детей и т. д. А мама спрашивала у газеты, что надо делать, чтобы ее сын стал меньше читать! Газета не ответила, читать я не прекратил. Причем читал я в основном то, что называется классикой мировой литературы. Дома у нас была собрана неплохая библиотека, еще больше книг было у моего дяди. Я подходил к книжным полкам, выбирал какой-нибудь том из собрания сочинений классиков, читал и, если мне нравилось (а нравилось мне практически все), прочитывал все остальные тома. Позднее стал брать книги в районной библиотеке

имени Пушкина на Спартаковской улице. Ее, кстати, открыли аж в 1899 году в столетие со дня рождения поэта.

Как-то уже в зрелые годы я прикинул, сколько в количественном отношении я прочитал книг в школе. Конечно, трудно подсчитать все, но думаю, что процентов шестьдесят из «обязательного» набора мировой литературы я за эти годы «проглотил». Что значит обязательный набор? Русская классика – Пушкин, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Чехов, Л. Толстой (кроме его романов, которые я в этом возрасте не осилил, но на всю жизнь полюбил Толстого-новеллиста), Куприн, Горький и т. д. Зарубежная – Флобер, Бальзак, Гюго, Мопассан, Джек Лондон, Драйзер и так далее. К некоторым классикам после «школьного» чтения я уже больше не возвращался. Так, каюсь, никогда не перечитывал больше ни Тургенева, ни Гончарова, ни Гюго... Некоторые же стали спутниками на всю жизнь, как, например, Чехов, Куприн, Маяковский... Конечно, взрослея, добавлял в список книги Паустовского (увлекся я им страшно!), Зоценко, Алексея Толстого (по-моему, все написанное им добыл и прочитал), Пикуля, Виктора Конецкого, Стендаля, Ремарка и многих, многих других. Всех не перечислить, да и нет у меня цели составить некий список обязательной литературы для «правильного» взросления личности. Наверное, для каждого человека полезен будет свой набор книг, главное, чтобы они были. А какова сегодня роль книги в воспитании подростка? Не будем о печальном...

Чтение книг развило гуманитарную направленность, заложенную во мне, вероятно, и генами, и атмосферой в доме. Уже в седьмом классе я стал писать книгу. Начиналась она с того, что по Пятой авеню в Нью-Йорке в темном плаще, закрывшись от дождя, шел молодой человек. Роман из жизни в Америке! Написав несколько страниц, я решил прочитать их сестре, которая в это время уже училась на филфаке в педагогическом институте. Она поразилась тому, что, не выезжая из Москвы дальше Ховрино (двадцать-тридцать километров от города, там жил мой любимый двоюродный брат), я пишу о Нью-Йорке. Сестра решила, что это я откуда-то их переписал. Только прочитав мои страницы и увидев там непотребное количество грамматических ошибок, поверила, что это действительно мой опус. Вообще-то я всю свою жизнь считал, что из меня вышел бы писатель, ну, скажем, средней руки, а может, и немного повыше, если бы не моя лень да некая тяга к сибаритству.

Трудно сказать, откуда у меня так рано проявилась и «общественная жилка». Может быть, оттого, что мама, как я ее помню, всю жизнь интересовалась тем, что же происходит в стране, в мире, любила в разговорах далеко отойти от типично женских проблем. Может, от отца, который нечасто, но вел со мною «политические беседы». Может, гены такие. Но уже в младших классах я стал командиром и пионерского отряда, и всей школьной дружины. Позднее – секретарем школьной комсомольской организации, членом Бауманского райкома комсомола.

Что же еще в наибольшей степени воздействовало на человека во времена моего детства и молодости? Родители, аура в семье, книги, школа, всеохватывающая идеологическая пропаганда – это, конечно, сильнейшие воспитатели, но уже довольно давно пришел я к мысли о том, что, пожалуй, в числе важнейших по значимости, по силе воздействия на формирующуюся личность является группа друзей, компания сверстников. И что характерно, с годами эта тенденция усиливается. Этому есть объяснение.

Как проходило воспитание дитяти в патриархальные времена? В крестьянских семьях (долгие годы население России на 80–90 % из них состояло) дети сизмальства видели своих родителей в самом главном процессе жизни – в работе. Не просто видели, но посылно участвовали, «заражаясь» в зависимости от отношения к труду отца с матерью трудолюбием или леностью, ответственностью или разгильдяйством, честностью или бесчестьем... Это и определяло в первую очередь главенствующее влияние семьи на ребенка. А в наши времена? Отец и мать чаще всего целый день на работе. Где, чем, как они там занимаются, дети, как правило, не знают. Приходят усталые, домашние дела последние силы отбирают. Социологи установили,

что сегодня родители уделяют собственно «педагогическим» усилиям по воспитанию своего чада не более двадцати минут в сутки! Кто же тогда ближе всего и по времени, и по делам совместным, и по авторитетности стоит к подростку? Компания его друзей, или, как говорят специалисты в этой области, «неформальная группа». Она и формирует мощнейшим образом и понимание того, что такое хорошо, а что такое плохо в человеческих отношениях, представления о красоте, об отношении к женщине, к сексу, вообще обо всем на свете. Так что, дорогие родители, самым тщательным образом относитесь к тому, с кем водит хоровод ваше чадо.

Мне сильно повезло по жизни. С самого раннего детства, собственно говоря, как себя помню, сложилась у нас во дворе компания друзей. Пять ребят с одного двора и из одного класса одной школы (здесь надо напомнить менее возрастным, чем я, людям: школы в мое время были «однополыми» – раздельно мужские и женские). Только один позднее ушел из нашей компании по «идейным» соображениям: у него с возрастом проявились жизненные ценности, противоположные остальным друзьям. Остальные же прожили и проживают вместе всю отпущенную каждому из нас жизнь. Вместе праздновали все советские и постсоветские праздники: дни рождения, Новый год, 8 Марта, 1 Мая, 9 Мая, Октябрьскую революцию и др. Иногда, когда до официального праздника далеко, смотрели отрывной календарь и собирались, чтобы отмечать день Парижской коммуны, день рождения Исаака Ньютона, День рыбака и далее по календарю. Вместе ходили в походы, в кино. Вместе оценивали приводимых в компанию девушек. Вместе, вместе... И вот что интересно. Все мы после окончания школы поступили в разные институты, потом стали работать соответственно на разных работах, пережились, переехали в другие районы города, обзавелись новыми друзьями, хорошими знакомыми, но, говоря хотя и слишком красиво, но объективно точно, узы самой первой нашей и самой тесной дружбы не разорвались.

Так что же дала эта компания для нашего ума, души и характера? Очень многое. Ну вот обошла нас мода на табак, и так никто и не закурил. Не хотели и не пили водку, но довольно рано стали пить «Ркацителю. Десертное» (было такое сухое вино). Водку стали в меру употреблять аж после тридцати лет. Политикой интересовались. Читали много. Особенно же любили, начиная где-то с 7-го класса, ухаживать за девушками. Развязными бабниками не стали, но почитателями женских прелестей до сих пор числимся. Здесь надо сказать, что в отличие от сегодняшнего времени в наши дни общение с девушками был длительный, сложный и весьма трудоемкий процесс. Сколько сил, галантности, настойчивости и умения надо было вложить в то, чтобы просто поцеловаться, не говоря уж о большем! Бытовала расхожая фраза: «Если бы перевести все усилия молодых людей по завоеванию (это если культурно говорить) девушек на “мирные рельсы”, то мы давно бы уже построили коммунизм». Так и формировалось наше миропонимание и наши характеры в компании школьных друзей.

И последнее воспоминание о школе – смерть Сталина. Учился я в это время в 9-м классе. Помню, рано утром сообщили о его смерти. Как кипятком ошпарило. Почему-то выскочил во двор. Там темно, никого нет. Побежал в школу, занятий нет, то ли официально отменили, то ли так стихийно сложилось. Стали собирать деньги на венки, прямо в руки мне, как секретарю школьной комсомольской организации, несли рубли, трешки, десятки. Довольно быстро собралась значительная сумма денег, и тут же пошли мы заказывать венки. Обошли несколько похоронных контор, все венки раскуплены, с трудом купили где-то чуть ли не последний. Его и понесли к Дому Союзов. Прошли одно оцепление, еще одно, но на ближних подступах к нему нас остановила цепочка милиционеров, которая сдерживала несметные толпы народу. Венки отобрали, а нас обратно завернули. Товарищи мои пошли куда-то прорываться, а я, так как был уже внутри оцепления, обошел стороной Дом Союзов и попал на Красную площадь. И увидел, как рабочие снимают мраморную плиту с надписью «Ленин» и устанавливают новую: «Ленин. Сталин». Постоял я, посмотрел и пошел домой. Может, это и спасло меня от смертельной давки в толпе. Это и есть, пожалуй, последнее по времени школьное воспоминание.

Глава II

Немного об институте. Тайны вечной любви, или Как прожить в одном браке более 60 лет. «Бывает же так!» – из жизни одного класса 135-й московской школы. Вхождение в систему «низшего уровня Высшего слоя».

Не помню, в силу каких демографических, социальных и прочих причин, но в 1954 году был особенно чудовищный конкурс в московские институты. По 6–8 человек на одно место в обычном вузе, по 10–12 – в престижном. Вступительные экзамены поэтому были лютые, да к тому же в то время и оценки в школьном аттестате имели значение. Поэтому так и осталось моей голубой мечтой поступить на филологический факультет МГУ (до тех пор, пока он сам ко мне «не пришел». Об этом – ниже). Располагался он в мои времена в самом центре Москвы в прекрасном здании В. Баженова. Здесь читали лекции многие великие ученые своего времени. С трепетом ходил я школьником по его историческим аудиториям. Я не просто побывал в этих аудиториях, я там писал свое сочинение на олимпиаде МГУ по литературе, куда пробился, пройдя конкурсы в районе, в городе, пройдя первые два тура олимпиады. В призеры я, к сожалению, так и не попал и мечту о МГУ похоронил. Забегая вперед, скажу, как же крепко сидят в человеке его сокровенные мечты. Прошли годы, и я убедил дочь поступать на факультет журналистики МГУ. И она поступила!

Итак, Московский городской педагогический институт. Толпа народу: родители, абитуриенты, их друзья. Таким, как я, поступить весьма и весьма проблематично. Во-первых, конкурс – 8 человек на место. Но даже не это главное. Дело в том, что в этот институт устремилась масса умненьких девушек с золотыми медалями, а их зачисляли без экзаменов, после простого собеседования! (Как оказалось впоследствии, в нашей институтской группе из 22 студентов было 14 медалисток!) Таким образом, для нас, безмедальных, оставались совсем крохи мест.

Неисповедима судьба твоя на экзаменах. Запомнилось, как один весьма бойкий абитуриент сразил всех нас тем, что заявил, что сочинение он будет писать стихами! Написал на двойку и к дальнейшим экзаменам допущен не был. Я получил за сочинение четверку. Всего же, как я уже писал об этом, надо было сдать шесть экзаменов (!): сочинение и устные – русский язык, литература, история, иностранный язык и зачем-то география (на филфак!). Дошел я, сдав на отлично русский язык, литературу и историю, до английского языка. Здесь-то и таилась моя гибель. Дело в том, что по сути своей я был абсолютным гуманитарием, но всю жизнь мне с большим трудом давались иностранные языки. Где-то я вычитал, что владение ими зависит от развитости музыкального слуха. О полном его отсутствии у меня я узнал уже в 4-м классе школы. На уроке пения (был и такой предмет в советской школе) старый, седой, совсем крохотного роста учитель вызывал по одному к доске учеников, брал свою скрипочку и играл мелодию украинской народной песни «Журавель». Надо было пропеть первый куплет. До сих пор помню его начало:

Повадился журавель-журавель
На зелену конопель-конопель...

Вызвал меня. Я пропел. Обычно учитель делал какие-то замечания, что-то объяснял. В моем же случае он сказал: «Мальчик (фамилии учеников он не помнил), прежде чем запеть, ты подсчитай». Я подумал, что надо какие-то музыкальные такты считать, но он уточнил: «Если петь будут меньше тридцати человек, ты не пой – всех собьешь». Из чего я и сделал вывод, что что-то у меня не то с музыкальным слухом. К тому же, так уж получилось, почти весь 10-й класс у нас не было учителя английского языка, не могли найти, кто-то приходил, давал два-три урока

и исчезал. В результате всего этого с английским у меня был полный швах. Я, конечно, перед поступлением в институт занимался им, мама даже молодую девушку-репетитора наняла, но для битвы на конкурсе этого было явно недостаточно.

И вот наступил страшный для меня экзамен. Дали английский текст, задание по грамматике, англо-русский словарь. Кое-как с грамматикой и чтением справился. А вот с переводом... Так как словарный запас у меня был мизерный и приходилось почти все искать в словаре, я понял, что успею перевести только малую часть текста. И тут «помогла» мне моя уникальная память прочитанных текстов. Может быть, это и слишком сильно сказано, но я действительно очень хорошо запоминаю многое из того, что приходилось читать. Кавычки же я поставил потому, что в данном случае *помогла* мне эта особенность памяти весьма своеобразно. Перевел я несколько строк текста и решил, что это отрывок из любимого моего романа Конан Дойля «Затерянный мир». Вспомнил это место в романе и стал излагать его экзаменатору – учтивой, интеллигентной и, как потом оказалось, очень душевной женщине. Она сначала поправляла меня, потом замолчала. Я лихо закончил перевод. Она вздохнула и сказала, что текст этот совсем из другого произведения, следовательно, моему «переводу» он не соответствует и поставить она мне может только три. Все, это была катастрофа. Мы уже знали, что проходной балл в институт 28 из 30 (и то не всех возьмут), а одна четверка за сочинение у меня уже была. И тут эта прекрасная женщина посмотрела на меня и спросила, а как я сдам последний экзамен по географии. «На пять», – твердо ответил я. Она вздохнула и поставила мне четыре, и я поступил в институт. До сих пор говорю ей спасибо!

Итак, 1 сентября 1954 года я вошел в актовЫй зал института. Тут-то все и началось...

Что же все-таки за феномен такой «любовь»? Даже задавать этот вопрос стыдно. Стыдно потому, что за тысячелетия рода человеческого написаны на эту тему бесчисленные пирамиды книг, Монбланы исследований, Эвересты поэтических и прозаических произведений, и, конечно, я не собираюсь дополнить их своими жалкими Записками. Я просто хочу рассказать, что произошло со мной. А что произошло?

Окинул я донжуанским взглядом (я уже писал, что компания наша отличалась повышенным вниманием к девичьим прелестям) ряды сидящих в зале студенток, а они составляли приблизительно 80 % курса, и сразу же остановился на одной. Не просто остановился, а замер, точнее сказать, обмер.

Это была она

(совсем не социальное, абсолютно личное, почти интимное отвлечение в повествовании)

Непосильная и, я думаю, в принципе не решаемая задача найти признаки, качества, свойства, по которым мы, мужчины, выбираем себе женщин. Плохое слово «выбираем», точнее будет сказать – останавливаем мы на ком-то из них свой взгляд, хотим общения, хотим близости. А по другим женщинам взгляд скользит, не цепляя ни сердце, ни плоть. Эти другие могут быть и красивые, и умные, и зовущие, а взгляд – скользит. Сейчас модно говорить о «химии любви». Черт ее знает, заделана ли здесь какая-либо химия, физика, психология, да и вообще что-то разумное...

Правда, у меня лично уже с юности было одно полусознанное предпочтение в выборе предмета моего внимания к женщинам: мне не нравились девушки слишком современные, стремящиеся быть «как все» в своих пристрастиях, суждениях, нарядах, прическах, манере поведения. Руководствовался принципом: она должна быть «на шаг позади моды». Почему это пред-

почтение «полусознанное»? Да потому, что девушка «не слишком современная» – понятно, а вот такая она именно – неясно. Русская классика породила у меня размытые представления о скромных, застенчивых, прелестных своим естеством тургеневских женищинах. Такой ОНА мне и показалась. Такой ОНА и оказалась в жизни, хотя и далеко не во всех своих проявлениях.

Итак, увидел и обомлел. Стройная, красивая, в черном облегающем свитере с белыми оленями на груди (этот свитер станет впоследствии одним из наших семейных анекдотов). Несмотря на свой донжуанский взгляд, я был весьма робким по отношению к женищинам. Вроде бы сам был парнем нормальным (а если не скромничать, может, даже и выше нормы): рост 182 см, спортивен, профессионально водил машину (гонщиком в обществе «Торпедо» был!), увлекался фотографией, входил в студенческую сборную Москвы по плаванию, начитан и вообще не дурак, и все равно мне казалось: ну как я таким прекрасным девушкам понравиться могу! И я робел, не знал, как же к ним можно подступиться. И здесь не подступился.

Прошел месяц, и нас распределили по группам. Собралась наша группа, посмотрел я на девушек и ахнул – она среди них! Конечно, уже в другом наряде, но она! Кстати, о наряде. Значительно позднее выяснилось, что была у нее черная кофта и белый рисунок на ней был, но не с оленями, как мне показалось, а с абстрактным рисунком. Отсюда и анекдот – не на той женился!

Женился... До этого пять лет ухаживал. Да как ухаживал! На первых моих фотопортретах, которые я в газетах печатал, только она. В театр пошла без меня, я рядом с ней в ложе билеты скупил, благо в мое время это не так дорого стоило, и на спектакль пришел. Первые мои стихи (они же и последние) – о ней. Первый мой ресторан в жизни – с ней.

С этим рестораном интересно приключилось. Это был не абы какой, а лучший ресторан Москвы – «Метрополь»! Забрал я свою стипендию – 21 рубль, добавил еще четыре рубля, и пошли мы с ней отмечать мой день рождения. Заказали устриц! Конечно, до этого мы о них только у Бальзака и Мопассана читали. Бутылку сухого итальянского вина, что-то еще вкусное. Спросили у официанта, что это за блюдо такое в меню стоит – «Сюрприз»? Он не ответил, но загадочно улыбнулся. Заказали. Принес нам вытянутый длинный рулет, облил коньяком и поджег. Он горит голубым пламенем, официант разрезал его, а внутри мороженое! Необычно и очень вкусно. Заплатил я за все это пиришество меньше 16 рублей.

Прошло 25 лет после нашей свадьбы (было это, следовательно, в 1984 году), и решил я пойти с дочерью и зятем в этот же ресторан, за этот же столик. Пришли, посмотрели карту. Устриц нет, «Сюрприза» нет, сухого хорошего вина нет. Принесли болгарский коньяк, незрелые помидоры, жесткое мясо. И хотя взял я с собой достаточно много денег, не хватило – пришлось зятю доплачивать!

Прошло еще 25 лет, и опять я решил с женой за этим столиком посидеть. Не получилось, ибо ресторан в наше время вообще для простой публики, которая с улицы, закрыт! Его можно только снять целиком за бешеные деньги для какого-нибудь корпоратива или отдельного олигарха. Закрыт для народа ресторан со знаменитым историческим залом с фонтаном посередине, с витражными потолками, зал, в котором бывали чуть ли не все великие люди России – актеры, писатели, государственные деятели, закрыт «для подлого народа»! Так и хочется воскликнуть: «О времена, о нравы!»

Вообще в любимой моей Москве с любимыми народом местами что-то неладное происходит. Практически в любом городе Европы, да и во многих российских, есть свои исторические традиции. Приедешь в такой город, тебе обязательно посоветуют сходить в историческое кафе – «там великий имярек любил поест», в пивную, где другой имярек пива попить любил, посетить беседку, в которой принято в любви признаваться, и т. д. В Москве в советские времена хотя и мало, но были такие места. Старые и не особо старые москвичи помнят еще, как съезжались со всего города поест заварной эклер в маленькую булочную в Столешниковом переулке. Их прямо из пекарни, открыв фанерную дверцу в стене, горячими подавали. Выпить

бокал шампанского в магазине «Вино» на улице Горького. Поесть самое вкусное мороженое в ЦУМе. Где все это теперь? На месте булочной – ювелирный бутик, магазина «Вино» – бутик модной одежды, ЦУМ превратили в супердорогой торговый дворец, где продавать мороженое «по определению» невозможно... Не может жить город без своих традиций, без веками освещенных людских симпатий, привычек! Все, возвращаюсь к течению моей жизни.

Итак, в конце последнего, пятого курса института женился. И вот уже седьмой десяток лет вместе, неразлучно! Некоторые (особенно молодые) удивляются: как вообще можно столько лет с одним человеком жить? Сам не знаю как. Вот об этом и хочется порассуждать на примере нашей совместной жизни.

Говорят, что сходятся противоположности. Может быть, и сходятся, но жить при этом ох как сложно! Жена – полная противоположность мне. Я человек чувствительный, романтичный, нежный, бываю ну совсем как кисейная барышня. Жена ласки-обнимашки совсем не любит. Строгая, во многом чопорная английская леди. За все годы жизни у нас только одна совместная фотография, на которой она стоит, полуобняв меня за плечи. Я, как, впрочем, и многие другие мужчины, люблю, когда меня хвалят за труды мои. А женищинам мужчин лучше не просто хвалить, но восхищаться ими надо, чтобы елей по телу растекался. Прихожу я к жене со своей статьёй, напечатанной в центральной газете (!), жду восторгов, а в ответ сухое поздравление и справедливые замечания по поводу недостатков написанного. Спорим в компании по каким-то вопросам, ищу я у жены поддержку своей точки зрения, она же чаще всего сомневается в моей правоте. Но я же муж, я всегда для жены должен быть прав! И так далее и тому подобное... Жуть, врагу такого не пожелаешь.

Так почему же шестьдесят с лишним лет вместе? Очень точно подходит к моим отношениям к жене вычитанная где-то фраза: «Я десятки раз хотел ее убить, но ни разу – развестись». Действительно, при всех моих возмущениях, обидах, ссорах – никогда даже мысль не промелькнула развестись. Не представлял и до сих пор не представляю себе жизнь без жены. Это невозможно! Настолько сильно это во мне сидит, что я, не веря ни в какое колдовство, иногда думаю: а может, это меня приворожили, какой-то порошок подсыпали? «Порошок» привязанности, конечно, есть. Прежде всего он в уме жены. Это не мифический «женский ум», а просто ум. Умным или не очень умным может быть человек любого пола. Вычитал я такой простенький анекдот:

– Во-первых, женищина должна быть умной.

– Нет, это во-вторых, а что во-первых?

Нет, это все-таки во-первых! Как же это важно для совместной жизни, когда вместе можно обсуждать самые разные вопросы, проблемы, говорить с женой о совместно прочитанных книгах, о выступлениях политиков, о событиях в различных жизненных сферах. Прийти к общему выводу, поспорить, поругаться, но на равных! Здесь важно сделать одно принципиальное замечание. Жить с умной женой может только мужчина, который не просто умный сам по себе, но и уважает ум других людей. Раз уж этот отрывок в книге сугубо личностной, почти интимный, то позволю себе сделать еще одно отступление.

У меня есть уйма недостатков. О некоторых из них я сам знаю, о других друзья и знакомые любезно мне напоминают. Но есть у меня и некоторые достоинства. Пожалуй, одним из главных считаю полное отсутствие чувства зависти. Я не просто не завидую людям, которых признаю умнее меня, образованнее, более успешными в жизни, но искренне восхищаюсь ими, люблю, горжусь дружбой с ними. Думаю, что причиной отсутствия зависти является то, что я сам (да простит меня читатель!) считаю себя достаточно умным и образованным человеком. Поэтому мой ход рассуждений простой: «Как умен этот человек, как он талантлив! Но я и сам не дурак, и в каких-то областях знаний и в чем-то особливом я, может быть, и выше его». Глубоко убежден, что завистливый человек – это человек, который, может, и неосознанно, но не считает себя достаточно умным, заведомо ставит себя в униженное

положение второсортного. Не люблю завистливых людей, ущербны они. Вернемся, однако, к проблемам жизни с умной женой.

Так вот, ум моей жены не унижает меня, напротив, с ней, хотя и трудно, но интересно жить. Здесь важно и еще одно обстоятельство, с этим связанное. Умная жена очень позитивно воспринимается в любом обществе – в компании друзей, коллегами по работе, соседями по обеденному столу в санатории и т. д. Бывает ведь, что всем хороша жена: и к мужу ласкова, и чтит его безмерно, облизывает, но дома. А в компании в лучшем случае – молчаливая серая мышка. А то и просто дуручкой выглядит. После такого и к мужу начинают подозрительно присматриваться: что же он себе такую выбрал?

Конечно, просто быть умной – не единственное условие длительной совместной жизни. Здесь важно еще, говоря по-научному, совпадение «основных линий» – нравственных, культурных, поведенческих и других. Это когда супруги близки по определению добра и зла, прекрасного и безобразного, гостеприимства и замкнутости и т. д. Образно говорят об этом как о совпадении «группы крови». Без этого совпадения никакой ум не поможет. У нас – совпала, так и живем вместе более 60 лет. И трудно, и прекрасно. И очень гордимся тем, что подарила дочка нам на золотую свадьбу медный знак, на котором выгравированы слова: «За отвагу и мужество, проявленные в 50-летней любви. За преданность и верность. Еще столько же и так же качественно». Так и продолжаем жить.

Сел я в актовом зале на первой лекции в институте за стол и увидел вырезанное на нем ножом «стихотворение»:

Опять зима,
Опять мороз,
И я на печку
Пополоз...

Пожалуй, витавший в воздухе дух поэзии и отличал филфак от других учебных заведений, а так – пять лет довольно обычной жизни в обычном советском институте. Учеба, зачеты и экзамены, поездка на картошку, работа пионервожатыми в лагерях... Впрочем, были и свои зацепки.

Во-первых, хотя я и не решился поступать в МГУ, он само частично ко мне «поступил». Речь идет о том, что, как я уже писал, в конце жизни Сталина в результате воскресшего антисемитизма многих преподавателей повыгоняли из МГУ. Они перешли кто в школы, кто в другие вузы. Многие попали и в наш институт. Вообще состав преподавателей у нас был поистине звездным. Для тех, кто профессионально занимается филологией и историей, многое скажут такие фамилии, как М. Панов, Е. Тагер, Н. Балашев, В. Водовозов. Достаточно хотя бы посмотреть в Википедии, что это за люди были – ученые, педагоги первой величины.

Во-вторых, студенческая группа у нас была замечательная. Не только потому, что почти все девочки были медалистками, а прежде всего потому, что у многих была одна «группа крови». Достаточно сказать, что наше увлечение литературой было настолько велико, что мы решили собираться по очереди по домам и там читать своих любимых поэтов. У меня, в частности, читали В. Маяковского, которого я люблю всю жизнь, и юношеское мое увлечение – поэзия Г. Гейне.

С этими вечерами, кстати, была одна характерная для нашего времени история. Вызвали меня вдруг в Первый отдел. Под этим номером почти в каждом учреждении, а в студенческих подавно, существовали отделы КГБ. Вызвали и спросили, что это за сборища по домам мы устраиваем. Ведь всё знали! Объяснил, что только стихи читаем, вроде успокоились.

И, наконец, в-третьих. Был я в школе троечником, а на всех многочисленных экзаменах в институте за все годы учебы получил только одну четверку, остальные сдавал на пять! Да потом и в академии, и в аспирантуре были только отличные оценки, ни одной четверки. Честное слово, не хвастаюсь я, а лишь подтверждаю этим одну банальную истину: как важно, чтобы человек не просто нашел свое призвание, но и стремился реализоваться в жизни.

И еще одно отступление. С первых курсов института я начал подрабатывать. Где мог и как мог. Обходил десятки газет, чтобы напроситься на репортажную заметку, продавал изредка журналам свои фотографии, позднее занимался подвозом на своем «лимузине» – «Москвиче-401». Где-то на втором курсе пришел к нам на поток (это когда все группы на одной лекции собираются) солидный дяденька:

– Кто из вас хочет подработать экскурсоводами по Москве?

Встали несколько человек, но пошел на трехмесячные курсы один я. Окончил, получил официальное удостоверение. До сих пор его храню: «Удостоверение № 20. Дано т. Соколову Владимиру Михайловичу в том, что он действительно работает в Московском городском экскурсионном бюро Управления культуры Исполкома Моссовета в должности экскурсовода». С тех пор почти все студенческие годы в туристские пики приглашали меня водить экскурсии по городу. Три рубля шестьдесят копеек за экскурсию для советских людей, пять сорок – за экскурсии для иностранцев. Хорошая прибавка к нашей стипендии в 21 рубль! На четвертом и пятом курсах я уже работал «за беременных»: в школе мне давали вести уроки по литературе за учительниц, которые ушли в декретный отпуск.

Поражают меня многие молодые люди. Здоровый парень выпрашивает у родителей деньги, чтобы свою девушку куда-нибудь повести. Девушка просит на губную помаду. Жуть. Не принято у нас, к сожалению, чтобы уже в юном возрасте дети находили себе посильную работу. Помню, какое удивление было в советское время (просто шок!), когда просочилась информация о том, что дочь президента США Кеннеди, учась в Париже, подрабатывала (как она говорила, на чулки себе)... посудомойкой в кафе! Надо сказать, что я вообще всю жизнь, чтобы обеспечить достойное житье-бытье своей семье и себе, работал по возможности на двух, а порою и трех работах. По-моему, это естественно для нормального мужчины. Горд и рад был, когда узнал, что младшая моя внучка (дед – профессор, родители – люди достаточно обеспеченные), учась в университете в Праге (туда судьба мою дочь закинула), пошла работать официанткой в скромный пивной бар. И все годы учебы работала в нем и отстояла право самой платить за учебу. Старшая внучка работала экскурсоводом на речном пароходике.

Запомнился институт и вот еще чем. Дело в том, что, будучи гуманитарием «на клеточном уровне», я с раннего детства увлекся автомобилями. Я писал уже о том, что в пятнадцать лет в Клубе юных автомобилистов по окончании занятий получил юношеские права. В восемнадцать лет обменял их на взрослые. С тех пор автомобиль на всю жизнь стал моей страстью. И так случилось, что на втором курсе института у меня появился собственный «шикарный лимузин»! У единственного студента из всего института (да, наверное, и его преподавателей)! Благодарить за это надо Н.С. Хрущева.

Он решил, что совсем старые машины можно продать тем, кто ими пользовался по своему служебному положению. Мой отец ездил на «Москвиче-401», его-то он и купил за 600 рублей. Отец в это время получал в месяц где-то около 200 рублей, так что осилить эту покупку смог. «Москвич-401» был копией немецкой машины Opel Kadett K-38, т. е. 1938 года постройки. Лимузин был примитивен до невероятности. Багажника не было вообще, для вещей была узкая щель в салоне между диваном и кузовом. Дворники были не с электроприводом, а работали от мотора: чем быстрее едешь, тем сильнее они двигались. Поэтому когда дорогу плохо видно и ты едешь тихо, они еле-еле чистили стекло. Никакой электроники, конечно, не было и в помине, все регулировалось отверткой. К тому же автомобиль был старый, двигатель стучал, двери открывались с трудом, салон – протертый до дыр. Полгода я приводил

его хоть в какой-то порядок, мама обшила салон байкой с цветочками (справка из Википедии: «Байка – мягкая, рыхлая, тяжелая хлопчатобумажная ткань с густым двусторонним начесанным ворсом»), и я стал ездить. Конечно, в институт я на нем не приезжал, стыдно было так выкаблучиваться, но по Москве и за городом катался вовсю. Как же комфортно было ездить в эти годы по городу! Даже на улице Горького (центр Москвы!) не то что не было пробок, но машину от машины отделяло огромное расстояние.

На третьем курсе института решился поехать на своем «лимузине» в «кругосветное» путешествие. Пригласил свою любимую и нашего с ней друга по институтской группе Мишу Коченова (царство ему небесное, редкой душевной красотой наделен он был). Загрузился как мог запасными частями, поменял карбюратор, поставил в связи с этим на время ограничитель скорости (он у автомобилистов назывался неприличным словом), и тронулись мы в путь. В Ленинград. Со средней скоростью 40 км в час. С такой скоростью мы к обеду доехали до Черной Грязи – поселка, который от тогдашних границ Москвы отстоял километров на сорок. Пообедали и поехали дальше. Приехали в Новгород, посмотрели город, переночевали и поехали дальше. Наконец доехали до Ленинграда. Пожили там два дня у знакомых и отправились «за границу». Именно так представлялись в то время советским людям прибалтийские республики. Поражало все: хотя и узкие, но отличные дороги, и красивые дома, и отсутствие в деревнях покосившихся заборов, да, собственно говоря, и деревнями это назвать было нельзя – просто маленькие опрятные городки.

В Эстонии мы убедились, как важно знать русскую литературу. Когда приехали в Таллин, то оказалось, что ни в одном отеле нет свободных мест. А уже вечер, надо где-нибудь переночевать. В одном месте нам подсказали: «Езжайте на аэродром, он недалеко от города, там в гостинице можно устроиться». Поехали. Подошли к дежурной в аэропорту, молодой симпатичной эстонке, и я решил пошутить и начал цитировать из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова: «Мы передовая машина автомобильного пробегала “Ударим по бездорожью и разгильдяйству”. Нам бы надо переночевать где-то». Девушка на плохом русском языке и при полном отсутствии знаний русской литературы растерянно сказала: «Я могу предложить вам место в комнате матери и ребенка. А автомобиль можно поставить на летном поле. Оно огорожено». Так мы все трое с комфортом и переночевали.

В Латвии, наученные горьким опытом поисков жилья, мы уже стали искать пристанище, километров десять-пятнадцать не доезжая до Риги. Маленький поселок. Красивый особняк. Решили спросить, где можно переночевать. Худенькая, ухоженная, интеллигентная женщина сказала: «Можно у меня». За ужином, которым она нас угостила, разговорились и услышали типичную житейскую историю, которой никого не удивишь сегодня, но поразившую нас в то время. Она вдова бывшего министра буржуазной Латвии. После присоединения ее к СССР, несмотря на то что никакой политической деятельностью он не занимался, его выслали в Сибирь, где он и умер. А ее не тронули, даже оставили домик под Ригой, где она и живет.

Последнее, что запомнилось из нашей «кругосветки», – возвращение в Москву. Возвращались мы вдвоем с Мишей, любимая моя вернулась домой самолетом, чтобы помочь сестре поступить в институт. На всю дорогу от Риги до Москвы у нас осталось один рубль шестьдесят копеек на двоих. Перед отъездом решили утром перекусить. Зашли в ресторанчик в гостинице у моря. Стали выбирать самые дешевые блюда. И тут в ресторан вошел Игорь Ильинский – великий наш актер – и сел за наш столик! Не знаю, как он там оказался, видимо, отдыхал в тихом месте. И вот Ильинский заказывает себе какой-то пышный омлет, кофе, пирожное. Мы сглотнули слюну и попросили принести нам по такому же омлету, конечно, без пирожных. В результате заплатили за завтрак все, что наскребли в карманах, и отправились в дорогу до Москвы без копейки денег. А это на нашем «лимузине» – день езды. Так и ехали. По дороге изредка кого-нибудь подвозили, нас за это подкармливали то яблоком, то пирожком. Умная машина экономно тратила бензин и не довезла нас до дома только метров двести. Мы вдвоем

докатали ее на руках во двор. Сколько потом я ни путешествовал на машине по Европам, но эта поездка так и осталась в памяти как самая прекрасная. Если уж рассказал об автопробеге, то скажу и о том, как вообще относился я к спорту или, лучше, как он относился ко мне.

Связь моя со спортом была несколько странная. В школьные годы увлекся велосипедом. Гонял по Москве вдоль и поперек, десятки километров. Еду как-то по Садовому кольцу, обгоняет меня группа велосипедистов-спортсменов с тренером. Я пристроился за ними, кручу педали, еду. Выехали за город на Можайское шоссе. Там они стартовали на время на десять километров: пять в одну сторону и пять обратно. И я за ними. Все они, конечно, меня обогнали, я устал сильно, хотел раньше назад повернуть, но дотерпел и прошел всю дистанцию. Там мне тренер сказал, что я молодец, без подготовки все выдержал: «Мы юношеская команда “Спартак”, ты приходи завтра на нашу базу в Измайлово, тренироваться будешь, я тебя возьму». Я не пришел, так «любителем» долгие годы на велосипеде раскатывал.

В институте спорт хорошо развит был. Пошел я для начала в стрелковую секцию. Дали мне там мелкокалиберную винтовку, как сейчас помню, ТОЗ-12, – и велели стрелять «стандарт». Это когда стреляешь с трех позиций: лежа, с колена и стоя. Я выбил что-то за 80 очков – на второй разряд. Тренер обрадовался, в институтскую сборную зачислил, стал индивидуально со мною заниматься. Сколько ни занимался, я ни на одно очко больше так никогда и не выбил. Любопытно, что дочь моя в пионерском лагере тоже стрельбой из «мелкашки» занялась и на первое место вышла. Хранится в нашем семейном архиве фотография, где стоит она на пьедестале почета с винтовкой наперевес.

Из стрелковой секции я ушел и стал заниматься плаванием. Тут у меня уже вполне приличные результаты были – сказалось мое феодосийское детство. Вошел я не только в институтскую команду, но и в студенческую сборную Москвы. Коронный номер был у меня 200 метров брасом. Плавал все пять лет учебы в институте, участвовал даже во всесоюзных студенческих соревнованиях страны. Плавать брасом я научил и дочь, и всех своих внуков. В молодости с дочерью в море на пять-шесть километров заплывали. Больше всего и дольше всего я занимался автомобилем. И как профессионал, и как любитель. В юности включили меня в команду шоссейников в спортивное общество «Торпедо», там хотя я и не брал на соревнованиях призовых мест, но всегда входил в число мест зачетных – «надежным товарищем» был. Автоспорт дал мне навыки безаварийной езды: больше полувека за рулем – и ни одной аварии!

Институтская жизнь завершилась свадьбой. Пять лет ухаживал! И цветы дарил, и стихи писал, фотопортреты делал и в газетах их публиковал, поездки по стране организовывал, походы в театр – и вообще все пять лет от себя старался далеко не отпускать... По нынешним временам так ухаживать нереально, что-то из области фантастики, недаром я до сих пор считаю, что чувства мои или от Бога, или от дьявола. Да и по тамошним временам было это нетипично. Зато свадьба была совершенно типичной для советского времени. Расписались в скромной комнатухе загса на Басманной. Никаких ресторанов, все на дому. Тесть заказал в домоуправлении скамейки, составили столы и в двухкомнатной квартире, собрали человек сорок. Выпили, закусили, потанцевали, и мы отправились в свою первую в жизни квартиру. Вернее, комнату. Была эта комната в уникальном для Москвы доме. Сейчас невозможно поверить, что почти в центре столицы стоял ряд деревенских домов. С печным отоплением, с завалинками, с крохотным огородом, с собачьей будкой. Стояли они на улице Дурова, там, где сейчас спортивный комплекс «Олимпийский». Вот в таком доме, в комнате мужа моей сестры, мы и жили несколько месяцев, пока родители меняли наши две комнаты в коммунальной квартире. Готовились к выпускным экзаменам в институте, гуляли по огородам с чудесной собакой Найдой, принимали гостей. И радовались жизни.

Окончил я институт и получил по распределению должность учителя русского языка и литературы в 135-ю московскую школу. Глубоко убежден в справедливости и эффективности обязательного распределения на работу выпускников университетов, институтов (в совре-

менной России – бюджетников). Государство за народные деньги обучило тебя, дало профессию, так и отработай на государственные нужды хотя бы три года! Было бы еще правильнее, как в некоторых образовательных системах в мире, чтобы диплом вручали не сразу же после окончания вуза, а после нескольких лет работы по специальности. По данным достоверной статистики, от 45 до 77 % всех выпускников (в зависимости от сферы деятельности) работает не по профессии, полученной в вузе! Это происходит и в силу объективных причин – нет работы по специальности, но чаще всего причин сугубо субъективных. Родители протолкнули на перспективную, хотя и не твою по профессии работу, разочаровался в профессии, которая в дипломе стоит, сам устроился на непыльной, выгодной работе и т. д. Вот в данном случае и не стоит диплом выдавать. Необходимы другие знания – поступай заново в университет на платной основе и учись.

Сам я, каюсь, отработал в школе менее двух лет. Так мало не потому, что бежал из нее, а в силу как раз «государственной необходимости», о чем расскажу позднее. Работа же учителем мне нравилась, несмотря на первую мою зарплату в 75 рублей. Хороший коллектив, хорошие школьники. Я с ними быстро подружился. Молодой был, энергичный, опять же «почетное» звание имел – «Турист СССР». Водил свой класс в театры, музеи, а потом решился на большой поход из Москвы до Ясной Поляны, поскольку, как говорят специалисты, так и сам Лев Николаевич хаживал. И пошли. Маршрут был такой: доехали на электричке до Серпухова, вышли к Оке и пошли по берегу до городка Алексин в Тульской области, а там уж и до Ясной Поляны. Дня три шли. Ночевали в палатках, варили суп из утки, которую в деревне купили, пели песни у костра. Красота! Из Ясной Поляны дошли до Тулы и поселились на ночь в местной школе. В физкультурном зале легли на маты и только заснули, как нас разбудили. Нарядные, в торжественных одеждах, веселые ребята из школы праздновали там свой выпускной вечер, узнали, что в школе ночуют москвичи, и решили пригласить их на свой бал. Встали мои ребятки – прожженные кеды, грязные шаровары, всклокоченные невымытые волосы. Но глаза горят, просят меня разрешить. Я разрешил, конечно, и пошли они на бал, и закрутились в танцах диковинные пары отутюженных хозяев и диких туристов. Вечер этот до сих пор вспоминается, а путешествие наше мы потом в школьный спектакль воплотили.

Поехали мы поездом и на экскурсию в Ленинград. Там тоже в школе остановились, весь город обошли, в музеях побывали и обратно самолетом в Москву возвратились. И ребята, и я, их классный руководитель, впервые самолетом летели. Так и жила школа в начале шестидесятых годов. Общаясь с сегодняшними четырнадцатилетними сверстниками подростков того времени, убедился я, что не могут они понять, как это можно жить полноценной жизнью, весело, разнообразно, творчески без мобильных, смартфонов, планшетов, «Одноклассников» и прочих прелестей интернета. Я не только не противник интернета, но и яростный его поклонник. Единственное, что меня угнетает, – это убежденность современной молодежи в том, что без него нет жизни.

В чем же, как заявлено в названии главы, уникальность класса, где я был классным руководителем? В его учителях русского языка и литературы. В восьмом классе это был я. Конечно, совсем я не уникален. И все же уже в эти молодые годы хотя и нечасто, но печатался я в центральных газетах, готовил репортажи по телевидению, стал членом Союза журналистов (это была очень почетная организация) и прямо с учительской должности стал руководить комсомолом центрального района Москвы. Но истинная уникальность была в том, что мне на смену учителем в 9-м классе по моей рекомендации пришел настоящий поэт – Александр Аронов, тот самый, кто написал известные стихи «Остановиться, оглянуться», «Гетто, 1943 год», слова песни «Если у вас нету тети» и многие другие.

С Ароновым мы учились в одном институте. Он был на два курса старше меня, но нас подружила любовь к поэзии, публикации в институтской многотиражке, общительность характера и некая склонность к авантюрам. В студенческие годы вышел в печати (уже не помню, кто,

когда и почему его издал) скромный сборничек под названием «Молодые о молодых». Интересна его идея: молодые критики пишут о молодых поэтах. Я опубликовал в нем статью о самых первых публикациях стихов А. Вознесенского, которые просто потрясли меня. Вот Аронов и предложил интересную идею: он выступает со своими стихами, а я как критик рассказываю о современной поэзии, отвечаю на вопросы. Где выступать? В наше время было множество районных, заводских, сельских и прочих Домов культуры, различных Народных университетов культуры. В них выходили Устные журналы, проводились поэтические вечера, встречи с интересными людьми и т. д. и т. п. Мы туда и втиснулись. С трудом, но давали нам иногда выступить. Деньги, конечно, небольшие, по 7–10 рублей на брата, но при наших стипендиях – подмога. Да и потом, это же так увлекательно – выступать в молодые годы перед благожелательной аудиторией! С тех пор, кстати, в мою память врезалась простая, но очень точная поэтическая строчка Аронова, которую до сих пор не могу найти в сборниках его стихов: «А все-таки дом, какой ни есть, // А все-таки дом, прийти и сесть».

Конечно, это хорошо, когда литературу в школе преподает поэт, но этого явно недостаточно для профессии учителя. И пришли ко мне уже в райком комсомола мои ученики и стали жаловаться, что хотя и здорово, что Александр Яковлевич на уроках стихи читает, о поэзии говорит, но им надо еще учиться и сочинения писать, и экзамены сдавать. Я не знаю, сам ли ушел Аронов из школы или его попросили, но уже в 10-м классе у них был новый учитель литературы. И это был Юлий Ким! Да, именно он – широко известный, талантливейший наш поэт, бард, композитор, драматург, сценарист. Но ко всему прочему он еще был и прекрасным педагогом, класс его полюбил, и он отлично подготовил ребят ко всем экзаменам. На выпускном вечере так и сидели мы – три литератора разного уровня – учителя одного класса. Ну разве не уникальна история класса?

В силу каких же обстоятельств я был вынужден оставить школу? Поскольку, как об этом уже писал, был я достаточно активным учителем, меня стали приглашать на различного рода педагогические районные совещания, конференции. На одном из них присутствовал один из секретарей райкома партии. Понравилось ему мое выступление, запомнил он меня. А в это время райком партии активно искал секретаря райкома комсомола и долго не мог найти, чему есть объяснение.

Дело в том, что район этот – Свердловский – был в Москве совершенно особый. Всего Москва в то время была поделена на 17 административных районов. Свердловский, находящийся в самом центре столицы, внутри Садового кольца, выделялся среди них тем, что, во-первых, в нем располагалась вся власть страны – ЦК КПСС, Кремль, Верховный Совет, ведущие министерства и т. д. Во-вторых, практически не было в нем промышленности, и в-третьих, в его границах сосредоточен был весь цвет московской (всесоюзной!) культуры – Большой театр, Малый театр, Театр оперы и балета имени Станиславского и Немировича-Данченко, Центральный детский, «Ленком», Госцирк и т. д. Десятки театров и ведущих учреждений культуры плюс крупнейшие издательства, газета «Известия» и, как мы шутили, «гигант промышленности» – завод авторучек (по-моему, меньше 100 рабочих). Конечно, трудно было найти руководство, в том числе и комсомольское, на этот район. Очень он уж специфический.

В 60-е годы первым секретарем Свердловского райкома партии был Иванов Георгий Александрович. Актер по профессии, работал в театрах имени Вахтангова, Сатиры. Актером был, видно, не особо выдающимся, а попросту говоря, просто слабым, но зато вскоре стал хорошим партгором театра. Пошел далее по партийной линии и в результате возглавил специфический по наличию в нем творческих учреждений Свердловский район столицы. Впоследствии Г.А. Иванов был руководителем Центрального телевидения страны, затем директором Большого театра. Мне пришлось почти десять лет работать под непосредственным руководством Георгия Александровича. Думаю, будет интересным сказать несколько слов о нем, чтобы лучше понять, какими же были партийные руководители в советское время.

Не вызывает никакого сомнения то, что в те годы именно они были главными в подвластных им регионах, от них зависели вся местная жизнь, все кадры, судьбы многих людей. Я, в частности, был сильно удивлен, когда на заседании бюро райкома партии решался вопрос «Об утверждении председателя исполкома народных депутатов Свердловского района». Никак не мог понять, почему председателя райисполкома, *избираемого народными депутатами (!)*, должен утверждать райком партии. «А если не утвердит, – наивно спрашивал я, – значит, надо избирать новых депутатов?» На меня посмотрели с подозрением и ничего не ответили.

Георгий Александрович был человек образованный, умеющий ладить с представителями культуры, с развитым чувством юмора и, что естественно, полностью подчиненный форме и содержанию партийной дисциплины. На заседаниях бюро райкома партии, на которых мне часто приходилось бывать, он иногда оgoroшивал нас своей эрудицией. До сих пор помню, как, говоря о благоустройстве района, он предложил украшать *брандмауэры*. Посмотрев на присутствующих и убедившись, что они не поняли, о чем идет речь, пояснил, что так называется глухая, без окон, чаще всего торцовая стена дома. С тех пор и я запомнил это слово. Вспоминается и другой эпизод, но уже говорящий о том, как же «своеобразно» были связаны с жизнью партийные руководители.

Побывал Георгий Александрович в командировке в Англии и рассказывает на бюро райкома о своих впечатлениях. Хорошо рассказывает, интересно. Но вот он с удивлением и долей восторга заговорил о том, что в Лондоне в автобусах нет кондукторов, а стоят специальные ящички, куда пассажиры бросают деньги за проезд. Переглянулись мы, но промолчали и не сказали ему, что в Москве на транспорте народ уже более года таким способом оплачивает свой проезд. В своих записках я еще расскажу и о Георгии Александровиче, и о некоторых других партийных вождах, а сейчас вернемся к моему переходу на комсомольскую работу.

Так вот, если в славном Свердловском районе Москвы с партийной властью было все в порядке, то с комсомольской были проблемы. Несколько лет подряд менялась в нем чередой секретарей райкома комсомола. Искали человека, который бы сумел найти общий язык с творческой молодежью, не вызывал бы у нее аллергии. И вот решили, что я вроде смогу это сделать. О делах моих комсомольских в «особом районе» Москвы – в следующей главе записок. Сейчас же еще одно маленькое отступление.

За все время моей, говоря официальным языком, *трудовой деятельности* побывал я в разных коллективах, и надо сказать, у меня никогда не было никаких серьезных конфликтов в них. И это несмотря на мой взрывной, импульсивный характер. Конечно, и трения бывали, и кого-то из коллег я больше уважал, кого-то меньше, с кем-то дружил, с кем-то нет. Точно так же и ко мне кто-то хорошо относился, кто-то не очень, кто-то даже «очень не очень». Но вот что интересно.

Может быть, и нескромно рассказать об одной, по моему мнению, весьма положительной особенности своей жизни в коллективе, но рискну: никогда и никого на работе я не считал своим врагом. *Для меня их не было у меня.* Специально выделил эту незамысловатую грамматическую эквилибристику для того, чтобы подчеркнуть понятие «*для меня*», ибо для кого-то я, может быть, и представлялся врагом. Объяснить подобное бесконфликтное поведение можно, вероятно, тем, о чем я уже писал: уважая себя, никогда никому не завидовал и, напротив, любил и люблю гордиться своими коллегами, знакомыми, часто и преувеличивая их достоинства. Есть и еще одно, прямо скажем, весьма таинственное свойство моей персоны. Рассказ о нем – вещь весьма интимная, в смысле очень личностная, но я решился на это, поскольку все записки мои тоже подразумевают определенную интимность да и, думаю, достаточно интересны с точки зрения анализа человеческого характера.

Не знаю, *откуда это, как это объяснить и в чем конкретно это проявляется*, но во всех коллективах, в которых мне пришлось работать, да часто и в застольных компаниях «по

случаю» не всегда отчетливо, но чувствовал я себя белой вороной. Это практически не проявляемая в конкретных отношениях, но ощущаемая мною оценка меня как человека «белой кости», «голубой крови». Конечно, не все в коллективе так меня оценивали, но значительная часть. Это очень странно. Никакого дворянского происхождения, которым так гордятся ныне многие (слишком многие), у меня нет. Я уж писал: мать из крестьянской семьи на Рязанщине, отец вообще неясного происхождения из бедняков Одессы. Да и манеры мои весьма далеки от благородной изысканности. А белой вороной себя ощущал. Кстати, по жизни встречались мне подобные личности, и тоже никаким образом не связанные с благородством происхождения. Помню, как сторожа в нашем гаражном кооперативе за особенности его поведения многие считали потомком каких-то громких дворянских фамилий, хотя доподлинно известно, что он «рабоче-крестьянских» кровей.

Я не раз задумывался, откуда появляется подобная необычная оценка человека. Можно предположить, что складывается она так по отношению к людям не агрессивным, не завистливым, в меру толерантным и тактичным, в меру открытым и коммуникабельным, в чем-то эгоистичным, ибо любят жизнь комфортную, отношения бесконфликтные. Не все подобные характеристики ко мне подходят, но могу предположить, что именно некоторая особливость моего характера, наряду с главным – гуманитарной направленностью всей моей натуры – помогла мне найти общий язык с творческой молодежью Свердловского района. И стал я сначала вторым, а вскоре и первым секретарем райкома комсомола. Так началось мое вхождение в «нижний (первый) слой Верхнего круга».

Глава III

Субъективные представления об объективной роли комсомола в жизни отдельной личности и страны в целом. На что способны объединенные силы творческой молодежи. Приобщение к высокой политике.

Не буду вступать в дискуссию по вопросу о том, как можно оценивать роль комсомола в советское время. Скажу только, что это была отлично отлаженная эффективная социальная машина по воспитанию молодежи страны. Причем воспитанию всестороннему, формирующему практически весь духовный мир личности: содержание ее политических, нравственных, культурных, семейных воззрений, ценностей, ее общественную активность, нормы поведения, жизненные устремления и т. д. Конечно, содержание это определялось господствующей идеологией, запросами времени. В этой идеологии были положения и догматические, косные и требования высоких нравственных норм. Все было. Но главное, повторюсь вновь, была *государственная система*, и она оказывала фундаментальное влияние на формирование личности. Смее утверждать, что при всех своих загибах и перегибах влияние это было позитивное. Для большинства. И большинства далеко не худшего. Хотя я никогда и не сомневался в этом, но один случай особо мне запомнился.

Был я приглашен в 2008 году на празднование 90-летия комсомола в Кремлевский дворец съездов. Зал полон народу. И вот народ этот просто потрясает: чуть ли не все наши космонавты, крупнейшие ученые, академики, генералитет, видные политики, народные артисты – цвет нации! От звезд Героев, орденов, почетных знаков, золотых погон – рябит в глазах. От выступлений – перехватывает горло. «Спасибо комсомолу – он поднял меня на вершину моего дела!», «С комсомолом я стал человеком!», «Комсомол дал мне лучших друзей!» «Комсомол спас мою жизнь!»...

А кому-то и сломал жизнь. И это было, все было, но о любом социальном институте судить надо все-таки по его историческому вкладу в жизнь общества, страны, по тому, как он способствовал развитию личности. Ведущая наша социолог, академик Т. Заславская в свое время провела обширное исследование молодежи, которая приехала добровольцами на великие комсомольские стройки: БАМ, Саяно-Шушенскую ГЭС, освоение сибирской нефти и др. На основании серьезных социологических исследований она убедительно показала основные мотивы, по которым молодые люди приехали на эти стройки. В первую очередь – стремление к большому, интересному, общественно важному делу, желание быть сопричастным с ним; раскрыть свои силы и возможности, вырасти профессионально; добиться карьерного роста; жить и работать в коллективе людей, близких по своему духу и миропониманию. И только на четвертом-пятом месте – прямые материальные стимулы (зарплата, автомашина и т. д.). Помоему, весьма позитивные стимулы.

Перечел я написанное выше и вижу, что уж очень «научно» – опираясь на разум, на факты – стремлюсь показать роль комсомола в обществе (что поделаешь, профессиональный социолог!). А можно объяснить его значение для молодежи и по-другому, через чувства, настроения. В советское время комсомол для отдельного подростка – это определенное состояние его души, это один из стержней, связывающих его с обществом. Человек жил в обществе, в котором комсомол занимал огромное место, а как известно, по верному наблюдению одной неглупой личности, жить в обществе и быть независимым от него – нельзя. Хотя для некоторых это возможно – для диссидентов (от латинского «отдаленный», «несогласный»). Американцы все любят обозначать в цифрах. Так вот американские социологи утверждают, что в любом обществе есть 4–6 % его членов, которые по своему мироощущению и миропониманию полностью независимы от общества во всех его проявлениях. Кстати, когда я уже в наши дни

разговорился с человеком, который по долгу службы в советское время «работал по диссидентам», он сказал, что «по подсчетам КГБ, их было около 6 % от взрослого населения страны». Для остальных – а это подавляющее большинство – комсомол являлся неотъемлемой частью общества, одной из его сущностей, и, вновь повторюсь, не быть в нем значит ощущать себя вне этого общества. Это было на психологическом, чувственном уровне, чаще всего вне сознания. Хорошо это или плохо? Это хорошо, если этот общественный институт давал для развития личности больше хорошего, чем плохого. По моим субъективно-объективным наблюдениям, комсомол именно таким и был долгое время, по крайней мере в годы моей молодости. Только к концу существования советской власти, где-то с начала 80-х годов он все больше и больше превращался в окостеневшего малоэффективного монстра. Вернемся, однако, от общего к частному. К частной жизни одного человека в эти годы.

Итак, избрали меня в 1961 году секретарем Свердловского райкома комсомола, сначала вторым, но очень скоро – первым. Несколько сотен первичных комсомольских организаций, более 20 тысяч комсомольцев. В силу количественного «объема» и социальной значимости московские райкомы в комсомольской иерархии стояли наравне с крупными областными организациями страны. В частности, курировал работу райкома не только московский городской комитет комсомола, но напрямую и Центральный комитет ВЛКСМ, куда я часто должен был хаживать, иногда «спускался» ко мне и ЦК КПСС.

Располагался Свердловский райком во флигеле роскошного особняка хозяина знаменитого русского фарфора М. Кузнецова на улице Чехова, ныне вернувшей свою «девичью» фамилию – Малая Дмитровка. Это один из домов М. Кузнецова в Москве, то ли он сам в нем жил, то ли для любовницы его построил, мы в его историю особо не вдавались, но был дом-дворец прекрасен и своим экстерьером, и внутренним убранством. Основное здание занимал районный комитет партии. В кабинете его первого секретаря стены были покрыты дорогими шелковыми полотнами в позолоченных рамах, кроме длинного стола для заседания, везде стояла антикварная мебель. С этим кабинетом связана у меня одна весьма занятная личная история.

Где-то в начале 60-годов в Москву приехала делегация американской молодежи. Говорили, что это чуть ли не первая официальная молодежная делегация из США. Оттепель! И центральному району Москвы поручили ее встретить и курировать. В связи с этим меня вызвали для инструктажа в соответствующие отделы ЦК КПСС, прикрепили работника КГБ. Первая встреча должна была состояться в «штабе» Свердловского райкома ВЛКСМ. Штаб – это хорошо, но когда «соответствующие» люди пришли и увидели весьма скромное помещение во флигеле, то решили, что лучше будет, если принимать делегацию мы будем в кабинете первого секретаря райкома партии.

И вот ведем мы беседу с американцами. Они спрашивают меня: «Как вы получили такое роскошное помещение для своей молодежной организации? У нас о подобном и мечтать не приходится». Не соблюдая никакой дипломатии, ответил, что и им это сделать просто: надо свершить в Америке социалистическую революцию, экспроприировать особняки богачей и вселиться туда. Они засмеялись: «Нет уж, мы лучше в тесных помещениях работать будем!» И еще один казус связан с этой делегацией. В помещении одного из театров, расположенных в районе, была встреча нашей молодежи с американцами. Вышел я с ними на сцену и начал свою приветственную речь. Вдруг слышу, они смеются и куда-то рукой показывают. Я посмотрел, вроде все нормально. Зал украшен правильными лозунгами, американскими флагами. На них-то американцы и показывают. Я всмотрелся и увидел, что флаги Америки надеты на наши флагштоки, которые, как известно, заканчиваются советской эмблемой Серпа и Молота. Прокол, но все обошлось. Главное же, почему я вспомнил об этой делегации, потому что именно благодаря ей я впервые стал жить в изолированной квартире. Это уникальный случай, когда человеку в Москве без всяких с его стороны усилий, требований, ожиданий буквально за три дня дали отдельную квартиру! Но перед описанием этого чуда небольшое отступление.

Напомню, о чем я уже писал, что с рождения, несмотря на весьма высокое положение отца, жил я с родителями в двух смежных комнатах в коммунальной квартире. Когда в 24 года я женился, родители решили эти две комнаты разменять, чтобы мы отдельно от них жили. Это был очень правильный, хотя и трудный шаг с их стороны. По жизненному опыту хорошо знаю, как часто причиной разводов становится совместное проживание молодых с родителями. Вот и переехали отец с матерью в комнату в огромной коммуналке на Ордынке, а мы с женой – в коммуналку в Козицком переулке, в дом, который находится почти напротив входа с переулка в знаменитый Елисеевский магазин, что на улице Горького (Тверской).

Узкий колодец, два дореволюционной постройки доходных дома, один в десяти шагах напротив другого. В одном мы с женой поселились, в другом, как гласит установленная недавно мемориальная доска, жил Солженицын. На нашем доме мемориальной доски нет, хотя мы и прожили в нем больше, чем он. Шутка.

Жили хорошо, несмотря на то что всего в квартире проживало шесть семей с детьми на один туалет, одну ванную с плохо работающей газовой колонкой. Интересно, что в этой же квартире жил и ее прежний хозяин – зубной врач Адольф Леонтьевич Аксельрод. Занимал он до революции всю квартиру. В комнате для прислуги – шесть квадратных метров без окон, с входом из кухни – жил теперь прежний хозяин. В комнате, где когда-то стояло зубоврачебное кресло (от него на паркете остались металлические пластинки-крепления), жили мы. Комната была узкая, шириною чуть более двух метров, дверь в нее соседствовала с дверью в почти всегда занятую уборную. Я и жена моя были в молодые годы весьма сухощавыми, если сказать попростому – тощими. Отсюда и родилось в то время наше прозвище: «Два карандаша в пенале».

Коммунальные квартиры – это что-то противоестественное для физиологии, психологии, для быта человека. Шесть столиков на кухне, две газовых плиты, разделенные на конфорки для каждой семьи, очереди в туалет, в ванную, необходимость сосуществовать в одном тесном пространстве с большим количеством чужих людей (как я мечтал жить так, чтобы можно было в трусах выйти из своей комнаты!). Так почему же «жили хорошо»? Потому что были мы молодые, жена легко сошлась с соседями, тем более что среди них были и наши одногодки. Вместе с ними Новый год справляли, праздники праздновали...

Конечно, я, как только поселились там, для начала попытался встать «на учет по улучшению жилищных условий». Но в очередь нас не включили, потому что ставили «на учет», только если на каждого проживающего приходилось меньше шести квадратных метров, а у нас на двоих было аж целых 12,45 кв. м. Вот из-за этих 45 кв. см (!) нас в очередь и не поставили, а если бы поставили, глядишь, лет через десять-двенадцать, может быть, и улучшили бы наши «бытовые условия». Так мы и жили до приезда делегации американской молодежи. Водил я эту делегацию по городу, организовывал различные встречи с творческой молодежью, на концерты ходили. И чем-то я им так приглянулся, что американцы попросились побывать у меня дома. Я представил себе жуткую картину посещения нашей «вороньей слободки» и тактично отговорился. И здесь «курирующие меня товарищи» из ЦК КПСС (не из КГБ, их я не чувствовал), не зная положения вещей, стали настойчиво предлагать мне не отказывать в просьбе. Я рассказал, как и где я живу, – они ужаснулись и согласились, что действительно людей туда, тем более из Америки, водить никак нельзя.

В этот же день (!) меня пригласила зайти к себе заместитель председателя райсовета Эглет (для молодых поясню: районный Совет депутатов трудящихся – в советское время высший орган власти в районе). Очень хорошим человеком она была и ко мне хорошо относилась. И стала она меня ругать, почему я раньше не сказал, как я живу: «И это первый секретарь центрального в Москве райкома комсомола!». *На следующий день* пришел к нам домой инспектор по жилищному надзору, осмотрел комнату и написал заключение, что к проживанию она не приспособлена: темная, одна стена примыкает к туалету и т. д. *Еще через день* звонит Эглет и говорит, чтобы я посмотрел квартиру на Фестивальной улице у метро «Речной

вокзал». Поехали, посмотрели. Пришли в полный восторг: две комнаты – 18 и 8 кв. м, кухня 4,6 кв. м. Квартира своя, без соседей, в трусах ходить можно! Родители высказали опасение, что ее кто-то может занять. Я тут же притащил раскладушку, и мой папа стал ночевать в пустых комнатах. Так я стал, наверное, единственным москвичом, тридцать лет прожившим в коммуналках, который буквально *за три дня* (!) получил отдельную квартиру. Интересно, что нашу комнату в коммуналке передали инструктору нашего же райкома комсомола с сыном, которой после развода с мужем негде было жить. Здесь не помешало то обстоятельство, что комната была признана «не подлежащей к жилью».

Комсомольские годы, естественно, не только этим запомнились. В моей сравнительно недолгой работе в комсомоле – чуть более четырех лет – было многое из того, чем, не скрою, горжусь до сих пор. Тут надо разъяснить одно важное обстоятельство.

Все территориальные комсомольские организации страны имели свои финансовые счета. Так вот наш Свердловский райком комсомола Москвы был, наверное, одной из самых богатых организаций не только районного уровня, но и многих областных комитетов. Собственно говоря, я вообще не знал никаких финансовых ограничений в работе райкома. Объяснялось это весьма просто. Нужны деньги? Тут же находили помещение и организовывали благотворительные концерты ведущих молодых (и не только молодых) артистов. Выступали на них солисты Большого театра Марис Лиэпа, Елена Рябинкина, Артур Эйзен, кино- и театральные артисты Ольга Бган, Мая Менглет (и ее знаменитый отец тоже), Леонид Каневский, Всеволод Шиловский, цыганский певец Николай Сличенко – это самая малая часть комсомольских активистов нашего райкома и моих хороших знакомых и друзей того времени. Всех не перечислишь! Напомню, в районе работали ведущие театры и учреждения культуры страны. Народ на эти концерты валом валил, а денежки на счет райкома переводились.

Конечно, основное внимание райком уделял именно творческой молодежи. Заведовал отделом по работе с ней Юра Егоров. Высокий, красивый, талантливый (лауреат творческих конкурсов), добрый и чудесный парень. Я тесно дружил с ним до самой его смерти. После работы в райкоме он перешел на работу в Союзгосцирк, где вырос до должности главного режиссера.

С этой организацией, точнее, с его начальником Анатолием Колеватовым, сложились у меня самые хорошие отношения. Легендарная это была фигура – Колеватов. Выпускник Щукинского училища, актер Вахтанговского театра, он не стал хорошим актером, но стал выдающимся организатором творческих коллективов. Я познакомился с ним, когда он был директором Театра Ленинского комсомола. Потом он был назначен руководителем Союзгосцирка и поднял цирковое искусство на недостижимую высоту. В ту пору советский цирк действительно стал лучшим в мире! При Колеватове открывались стационарные цирки по всей стране, создавались уникальные номера, международные гастрольные поездки были расписаны на годы вперед. Помню, как он с гордостью говорил, что Союзгосцирк приносит казне иностранной валюты больше, чем гастрольная деятельность всего Министерства культуры. «Ленком» же в бытность Колеватова стал для нас главным местом, где проходили наши концерты творческой молодежи, поэтические вечера, собрания, конференции молодежи Свердловского района, включая отчетно-выборные. Но продолжу о работе в столь специфическом районе Москвы.

Задумали мы где-то в начале 60-х годов создать городской Клуб творческой молодежи. Без всяких сомнений решили, где ему быть – в Центральном доме работников искусств (ЦДРИ), с директором которого, несмотря на разницу в возрасте, у меня сложились теплые дружеские отношения. Располагался ЦДРИ в очень красивом особняке (почти дворце) в самом центре Москвы, на Пушкинской улице, прямо напротив входа с этой улицы в известный магазин «Детский мир». ЦДРИ в советское время был знаменитым, престижным местом, куда многие стремились попасть. В нем проходили многочисленные встречи с корифеями советской культуры, концерты, работали лектории, выставки (кстати, первая выставка картин И. Глазунова

была именно там). Как и многие другие подобные учреждения, в новой России он стал ненужным, у него отобрали почти все помещения, задвинули в небытие. А зря, сегодня-то он при современном культурном обнищании как никогда раньше нужен.

Так вот, был в ЦДРИ прекрасный Каминный зал. В нем и решили организовать Клуб творческой молодежи. Юра Егоров собрал на его открытие поистине весь цвет молодых артистов театра и кино того времени, солистов балета, музыкантов, художников, режиссеров и т. д. Пришли и корифеи искусства. Достаточно сказать, что я сидел за одним столиком с великой балериной О. Лепешинской. «Какой же вы молодец, юноша. Такое хорошее дело организовали», – смутила она меня. Столиков было много. На них – цветы, фрукты, вода, бутылка сухого вина (райком же богатым был!). Пригласили на открытие съемочную киногруппу из Центральной студии документальных фильмов, секретарем комитета комсомола которой был молодой режиссер Леня Махнач, член нашего райкома комсомола, который стал впоследствии одним из ведущих кинодокументалистов страны, народным артистом республики. Обещала прийти министр культуры Е. Фурцева. Не пришла, но кого-то из высшего руководства министерства прислала. Главное же, чем мне запомнилось открытие, была встреча с В. Высоцким. Пригласил его Юра Егоров. Высоцкого в то время мало кто знал (напомню, было это где-то в 1961/62 году).

- Юра, а кто это такой?
- Это артист Театра киноактеров.
- Он сможет вести всю программу открытия?
- Сможет. Он талантливый.

И вот все сидят за столиками, кинооператоры приготовились снимать, а Высоцкого все нет. Десять минут ждем, двадцать, полчаса... Наконец приходит, и от него отчетливо разит спиртным. Я набросился на него: «Как же можно опаздывать, да еще и выпивать!» – «Не волнуйтесь, все будет хорошо». И действительно, все было хорошо. И вел он открытие свободно, с юмором. И вся атмосфера была праздничная, теплая. Сравнительно недавно пришли ко мне биографы В. Высоцкого, спросили, кто и когда его снимал. Я рассказал, но, по-моему, они так и не нашли эту пленку. А Клуб творческой молодежи работал долгое время. Работал интересно, на его встречи многие выпрашивали билетки в райкоме. Вообще в райком часто заходили, чтобы билетки попросить. Особо много просителей было, когда открыли мы кафе «Синяя птица». Это кафе – гордость моя! Вот что написано о нем в Википедии (даже туда попало!).

«Молодежное кафе “Синяя птица” (ул. Малая Дмитровка, дом 23/15) было открыто осенью 1963 года при покровительстве Свердловского райкома партии. На сцене стал регулярно выступать первый джазовый квартет, и начались традиционные “джемы” в конце вечера. В “Синей птице” в разные годы выступали практически все ныне известные российские джазовые музыканты, многие из которых стали народными и заслуженными артистами (Георгий Гарянин, Алексей Козлов, Игорь Бриль, Игорь Бутман, Леонид Чижик и др.)».

Все правильно, кроме одной «мелочи». Райком партии не только не «покровительствовал» открытию молодежного кафе, но по мере сил препятствовал этому. «Синяя птица» – целиком детище Свердловского райкома комсомола!

Задумали мы начать в районе дело, в которое можно было бы вовлечь как можно больше молодежи. Решили открыть совершенно новое по форме и, главное, по содержанию место, как бы сейчас сказали, «тусовки» молодежи. В то время подобных мест было катастрофически мало. От райкома партии никакого одобрения не получили. Настороженно спрашивали: «Зачем это? А что там будет? А кто отвечает?..» Конечно, мы не смогли бы преодолеть сопротивление партии, если бы не неожиданная поддержка начальника Главного управления торговли Мосгорсполкома Николая Петровича Трегубова. Фигура эта была в то время в Москве легендарная. Он не только заведовал самыми привлекательными в дефицитные годы учреждениями, но и был во всех смыслах неординарной личностью. Человек жесткий, независимый

(часто более того, что властями позволялось), с трудной судьбой. Пересеклись мы с ним в поездке в одну из стран народной демократии (кажется, в Венгрию). Он был по своим торговым делам, я – по молодежным. Чем-то я ему приглянулся, и он на прощание сказал: «Обращайся, если надо». Я и обратился. Идея молодежного кафе ему понравилась: «Будет оно в системе ресторанов и кафе, но содержанием всей его работы сам рули». Тут уж первый секретарь райкома партии, опытный партийный функционер Иванов Георгий Александрович ничего поделаться не мог. Мы и начали «рулить».

Для начала нашли заброшенный полуподвал недалеко от райкома. Мобилизовали молодежь и очистили его от мусора, хлама – десятки машин вывезли! Так как строящееся кафе было на балансе районного треста ресторанов, то оно и предложило нам его интерьер – этакую типовую советскую забегаловку. Нам не понравилось. Но в нашем районе был МАРХИ – знаменитый Московский архитектурный институт, комсомольскую организацию которого возглавлял член нашего райкома, интеллигентнейший, талантливый Коля Журун. Он с товарищами и спроектировал неординарный, модерновый по тем временам интерьер: столики на специальных возвышениях у полуподвальных окон, сцена, яркая окраска стен...

Построили (субботниками, воскресниками), открыли. Не могу не похвастаться – название «Синяя птица» я придумал (филолог, любитель поэзии, романтик – простите, это я о себе). И чтобы кафе джаз-клубом стало, тоже я предложил. Всю свою жизнь с юности я любил джаз, люблю и сейчас. Классический, кантри... Бережно храню пластинки знаменитой в советские времена фирмы «Мелодия» с записями Эллы Фитцджеральд, Дюка Эллингтона, Диззи Гиллеспи и многих других кумиров джаза. Вот и стали собираться в «Синей птице» поклонники джаза. И было их так много, что очередь в полуподвальное кафе растягивалась на многие сотни метров, но мне было отведено в нем (как было сказано, «навечно!») почетное место у эстрады.

Как-то Г.А. Иванов – напомним, первый секретарь райкома партии – шел вечером с работы пешком мимо клуба (такое редко, но бывало). Увидел очередь из не слишком ухоженной, по его мнению, молодежи, услышал из кафе джаз с «иностранной» музыкой. Насторожился, возмутился, тут же меня вызвали на бюро райкома – и объявили выговор «за отсутствие должной работы по воспитанию советской молодежи». Надо сказать, что за свою долгую жизнь я был не только всякими орденами-наградами удостоен, но и заимел огромное количество выговоров. За своеволие, за «просмотрел», за «не учел». Все потому, что трудился на тонком лезвии «идеологической работы». Объективности ради скажу, что выговоры эти всегда устными были, в партийную и трудовую книжки не заносились.

Место за столиком кафе «Синяя птица» оказалось далеко не вечным. Где-то в середине десятых годов нынешнего столетия я с дочкой, внучкой и зятем еще смогли зайти в кафе. Стены его на разных языках исписаны многими выступавшими здесь музыкантами. Показал я и свою запись: «Вы живы, и это прекрасно! Горжусь, что участвовал в создании “Синей птицы” и дал ей название. Первый секретарь Свердловского райкома комсомола В. Соколов». Надпись эта, как и само кафе, так потрясли зятя, что он сфотографировал эти записи со стены и сделал из них альбом, который издал в одном экземпляре. В альбоме дается информация из энциклопедии: «Единственный джазовый клуб в России, который сохранился с советских времен со своим именем, имиджем и музыкальным направлением. Культурно-историческая достопримечательность Москвы. В “Синей птице” начинали играть практически все джазовые мастера России. Знаменитые джазовые исполнители Америки и Европы, бывавшие в Москве, считали “Синюю птицу” ДЖАЗ-КЛУБОМ № 1 в России и выступали на ее сцене. Джаз-клуб “Синяя птица” отмечен во Всемирной Джазовой энциклопедии». Вот этот альбом – все, что осталось от «Синей птицы». Пришел я туда уже где-то в 2015 году и увидел вывеску – Ресторан бурято-монгольской кухни «Сэлэнге». Аляповатый псевдовосточный интерьер. Поинтересовался у администратора (менеджера?), знает ли он о том, что было здесь на месте их ресторана. Никто и ничего не слышал о «Синей птице».

И здесь я вновь задаю вопрос: «Почему в Москве не сохраняют те немногие места, которые так тесно связаны с традициями, с привязанностями москвичей? Не оставляют, не интересуются, не понимают, как это важно – сохранять исторические традиции. Я так подробно рассказал о кафе «Синяя птица» не потому, конечно, что это было единственное действо комсомола центрального района Москвы в 60-е годы. Просто в этой истории выпукло отразились и плюсы, и минусы того времени. А в работе с творческой молодежью много чего интересного, знаменательного было. Были и дела не столь удачные, были и те, о которых сегодня и вспоминать бы не хотелось. К первым относится наша попытка создать «новый Современник».

Ходил слух, что где-то в нашем районе, чуть ли не в стенах райкома, прошли первые встречи молодых артистов, на которых и зародилась идея создать свой театр, который стал впоследствии знаменитым театром «Современник». Стены, как мы потом узнали, другие были, а район действительно был наш, ибо именно в нем располагалась Школа-студия МХАТ, а его ректор – Вениамин Радомысленский – помогал рождению «Современника». Я был в хороших отношениях с Вениамином Захаровичем, поэтому на какой-то встрече с ним самоуверенно и пылко попросил его посодействовать созданию еще одного молодежного театра. До сих пор помню его ироническую ухмылку, но идею он поддержал. Более того, предложил на роль режиссера-организатора своего сына Женю. Загорелись мы все этой идеей! С большим трудом под комсомольским давлением арендовали помещения, раздобыли декорации. Легко подобралась команда молодых энтузиастов-актеров, и стали они репетировать пьесу чешского драматурга Карела Чапека «Средство Макропулоса». Я так часто ходил на их «глубоко-вечерние» (почти ночные) репетиции, что с тех пор большие куски пьесы наизусть помню. Но театр так и не сложился. Это с возрастом начинаешь понимать, что для его рождения нужны особые, совершенно уникальные импульсы. Поэтому и не получилось у нас театр родить.

Эпизод второй связан со знаменитым нашим режиссером Анатолием Эфросом. В 1963 году он был назначен главным режиссером Театра имени Ленинского комсомола (так тогда назывался «Ленком» Марка Захарова). Я театрал и помню отличные его спектакли, поставленные в этом театре, особенно по пьесам Э. Радзинского – «104 страницы про любовь», «Мой бедный Марат» и др. Я уже писал о том, что у райкома комсомола сложились тесные, хорошие отношения с театром, конечно, не только благодаря его директору Анатолию Колеватову. Я был в отличных дружеских отношениях с обаятельным, радушным артистом Дмитрием Гошевым, комсоргом театра, и с его талантливой женой Нелей. Меня с женой как-то пригласили на встречу Нового года в театре. Попасть тогда на это мероприятие было невероятно сложно даже для людей артистического мира, не говоря уже о простых смертных. Конечно, мы с радостью согласились.

Это было незабываемое событие. На лестничной площадке стояла фанерная будка с окошечком, над которым было написано что-то вроде «Попробуй, попроси». Молодой Александр Ширвиндт подначивал меня: «Попроси!» Я попросил, и из окошечка высунулась рука с рюмкой водки. «Это всем так дают?» Александр усмехнулся. И вот уже следующему просителю из окошка вместо водки высунулся большой кукиш. За праздничным столом (он стоял в вестибюле) нас с женой посадили рядом с красивой, великолепной артисткой оперетты Татьяной Шмыгой. У нее день рождения 31 декабря! Незабываемый праздник: тосты, танцы, впервые смотрели капустник с Ширвиндтом и Державиным.

Так вот, пришло мне распоряжение с «самого верха»: послать комиссию в театр и заслушать ее отчет на заседании бюро райкома комсомола. Причем обязательно с «обвинительным» уклоном. Очень уж не нравился властям независимый А. Эфрос. Вздохнул, отобрал ребят попримичнее и послал комиссию. Руководство почему-то решило, как и в случае с американской делегацией, провести заседание бюро комсомола в роскошном кабинете первого секретаря райкома партии. Народу пришло много. И актеры театра, и из Министерства культуры, и партийные боссы. Пришел и сам А. Эфрос, и я заметил, что он достаточно сильно волну-

ется, хотя повод-то и не столь значительный – подумаешь, всего-то-навсего райком комсомола заслушивает отчет о работе комсомольцев театра. Но, видимо, он отчетливо ощущал, как сгущаются над ним тучи. Проверяющие сделали очень «мягкий» доклад. В чем-то похвалили, немного покритиковали – «надо более активно требовать, просить, чтобы театр, рассчитанный на молодежь, больше ставил спектаклей о ее проблемах». Никакой «решительной критики» в адрес комсомольской организации и тем более руководства театра в решении бюро райкома не было. Это очень расстроило руководство, о чем оно мне сурово и выговорило. Конечно, это слушание не остановило гонение на Эфроса, и вскоре он был уволен. Вообще, «карьерная линия» моя не раз пересекалась именно с театральными проблемами.

В начале 60-х годов в Колонном зале Дома Союзов проходила отчетно-выборная конференция московского горкома комсомола. Б. Пастухов, секретарь горкома, сказал, чтобы я готовился на ней выступить. Сажу на конференции, вижу, скучают делегаты, слушая похожие друг на друга выступления-отчеты. Предоставили слово мне, и я начал приблизительно так: «У нас в районе более двадцати театров. В каждом из них есть комсомольская организация. Каково ее поле деятельности? Неужели можно серьезно думать, что она может активно участвовать в основной работе, скажем, Большого театра, Малого театра или любого другого: в формировании репертуара, в назначении артистов на роль в спектакле, оказывать влияние на подбор трупп и т. д.? Нет, конечно! Значит, самое главное для нее – найти конкретные посильные дела». И рассказал о вкладе молодых актеров в пополнение бюджета райкома комсомола, о шефских концертах, о создании драматических кружков, школьных театров... В президиуме сидит К. Ворошилов, не знаю уж, как он попал на конференцию, но слушает внимательно, даже ладонь к уху приложил. В перерыве подошел ко мне секретарь МГК ВЛКСМ Б. Пастухов: «Хорошо выступил. Ворошилову понравилось, он с тобой поговорить хочет». Так я встретился с бывшим членом Политбюро, легендарным народным героем. Беседа была минут на пять. Бодрый в свои 80 с хвостиком лет, он сказал, что он тоже театр любит, в Гражданскую войну поощрял театральные агитпромы. Позднее Б. Пастухов предложил мне перейти на работу заведующим отделом пропаганды МГК комсомола. «Поработаешь – секретарем горкома выдвинем». Я отказался, очень уж не любил административную работу.

Раз уж разговор зашел о советских вождях, то расскажу, как я еще лично лицезрел В. Молотова. В самом начале моей комсомольской деятельности, где-то в 61/62-м году, позвали меня на заседание бюро Свердловского райкома партии. Г.А. Иванов, первый секретарь райкома, сказал, что следует утвердить решение первичной партийной организации об исключении из партии товарища Молотова. Пригласили его. Иванов спросил: «Признаете ли вы факт вашей антипартийной деятельности?» «История покажет, какая деятельность была партийной, а какая – антипартийной», – ответил Молотов.

– Есть ли еще вопросы?

– Вопросов нет. Есть предложение утвердить решение парторганизации об исключении товарища Молотова из партии. Кто «за»? Единогласно. Товарищ Молотов, вы исключены из членов КПСС.

Все это заняло чуть больше трех минут. Впрочем, значительно позднее, лет так через двадцать, мне пришлось еще раз свидеться с Вячеславом Михайловичем.

Есть под Москвой довольно известный реабилитационный санаторий имени Герцена. Раньше он был «при ЦК КПСС», теперь «при Президенте РФ». Попал туда на лечение мой любимый тесть Иван Дмитриевич, заслуженный работник электропромышленности СССР, был он и заместителем директора знаменитого московского завода «Динамо», и одним из руководителей министерства. Так вот, навестил я его в санатории, сидим мы на скамеечке беседу беседуем. По дорожке идет Молотов. Иван Дмитриевич поздоровался с ним, пригласил присесть. Оказывается, они уже познакомились. Я осмелел и спрашиваю Вячеслава Михайловича: «Простите, но говорят, что вы мемуары пишете?»

– Да разве мемуары так пишутся?! Для этого надо, чтобы были доступны архивы, чтобы различные организации материалы по моим просьбам предоставляли, чтобы подшивки газет были. Ничего этого у меня нет! Ни к каким архивам не допускают! Одна пишущая машинка! Напечатаю листок, люди из КГБ проверят, не сделал ли я копии, и отвезут листок к себе.

Очень он возмущался, хотя вообще-то по натуре был человеком спокойным, уравновешенным. Жаль, конечно, что так до сих пор и нельзя прочесть воспоминаний Молотова. Историческая же личность, долгие годы был практически вторым человеком в стране после Сталина. С еще одной исторической личностью я хотя и не беседовал, но удостоился как-то сидеть (вернее – стоять) совсем рядом. Речь идет о Н.С. Хрущеве. С ним у меня связаны воспоминания двух почти анекдотических случаев.

В сентябре 1964 года в Москве проходило крупное международное мероприятие – Всемирный форум солидарности молодежи и студентов за национальную независимость и освобождение, за мир. Съехались делегации чуть ли не со всех стран мира. Митинги, дискуссии, встречи, концерты... Конечно, наш центральный в Москве райком комсомола был задействован на полную катушку. Помню, спал я в это время не более трех-четырёх часов в сутки. Вот и заслужил приглашение на правительственный прием в Кремле по случаю закрытия форума. Длинные столы, полные яств и бутылок. За ними стоят руководители делегаций, члены правительства, генералы и прочие солидные люди. Каждый около соответствующей таблички со своей фамилией. Почему-то мне отвели место буквально впрыток к столу президиума, в трех шагах от Хрущева (ошиблись, наверное). Рядом со мной стоял, судя по погонам, очень высокий по рангу генерал. Хрущев говорил много, горячо и косноязычно. И в процессе своего длинного тоста он упомянул о том, что только что вернулся с полигона. «Вы знаете, нам показали такое оружие, ракету, которое с дальних позиций любой танк пробивает. Не нужны теперь танки, они все расстреливаются нашим оружием!» – с пафосом закончил он. И тут стоящий рядом генерал вздрогнул, побледнел и громким полупшепотом с матом стал бормотать: «Что он говорит, это же секретные сведения, а он, твою мать! И танки теперь неужели в переплав?» Налил генерал полный фужер водки и выпил залпом. Кстати, сам Хрущев водку не пил. Я отчетливо видел, как в его рюмку возникающий из небытия официант подливал минеральную воду.

Другой случай связан с отстранением Никиты Сергеевича от власти. Тут надо напомнить, что Пленум ЦК КПСС, на котором и был снят Хрущев, состоялся 14 октября, а сообщение об отстранении его от всех властных постов было опубликовано 16-го числа. Таким образом, 15 октября был «день тишины». Вот сижу я утром 15 октября тихо и мирно в своем кабинете. Вдруг врывается в него весь расхристанный, взволнованный секретарь комитета комсомола огромного и страшно закрытого научно-исследовательского института НИАТ, который в нашем районе на Петровке был.

– Слушай! В стране заговор, переворот! Идем мы на утреннюю планерку к директору, видим – снимают большой портрет Хрущева, он у нас в фойе висел, и куда-то уносят. Начали заседание у директора, входит начальник первого отдела института (полковник КГБ!) с рабочими и снимают еще один портрет, который в его кабинете. Директор спрашивает, что происходит, а особист палец к губам приложил и отвечает: «Так надо». Это они переворот устроили! Сейчас секретарь нашей парторганизации к Иванову (напомню, первый секретарь нашего райкома партии) пошел, а я к тебе. Надо что-то делать!

Сидим думаем, что же делать. Тут раздается телефонный звонок, и меня приглашают к Иванову: «Нас троих (еще председатель райисполкома) вызывают на срочное совещание в горком партии». Приехали в горком. В зале «тройки» от всех районов Москвы, прочее начальство. Выходит Егорычев – первый секретарь МГК КПСС – и тихим тусклым голосом начинает зачитывать свою речь: «Хрущев – волюнтарист, никого не слушал, развалил партию на сельскую и городскую, погубил сельское хозяйство и т. д. и т. п.». Парадокс заключался в том, что буквально несколько дней тому назад тот же Егорычев на собрании городского актива с вос-

торгом рассказывал о том, как он сопровождал дорогого Никиту Сергеевича при его посещении ВДНХ: «Какой же это энергичный человек! Как он много знает! Великий руководитель!» И это высшее руководство страной... Вернемся, однако, к работе с творческой молодежью в Свердловском райкоме комсомола.

Особо я пытался чем-то помочь молодым поэтам. Как известно, 60-е годы прошлого столетия были триумфальными для нашей поэзии. Не только поэты-лидеры – А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Окуджава, но и поэты, если так можно сказать, «второй волны» собирали полные залы, а то и стадионы. Стихи рекой лились на любых молодежных, да и не только молодежных сходках. Столь творческий район, как наш Свердловский, да еще и столь большой любитель поэзии, как его первый секретарь комсомола, конечно, не могли пройти мимо «поэтической лихорадки».

Хорошие отношения были у нас не только с ЦДРИ, но и с руководством Большого зала Политехнического музея. Зал этот воистину исторический. Кто только из великих людей не выступал в нем: Маяковский, Бунин, Есенин, Брюсов, академики Мечников, Вавилов, Нильс Бор... Всех не перечислишь! Распоряжался этим залом Вилен Егоров – директор Центрального лектория Всесоюзного общества «Знание». Я благодарен судьбе, что свела она меня с этим крупным человеком и по своей комплекции и, конечно, прежде всего по сути своей. Свела на длительные годы, общались мы с ним и в моей комсомольской жизни, и на совместной работе на Центральном телевидении. Был он всего лет на пять старше меня, но казался мне в силу его знаний, опыта, организаторского таланта настоящим гуру – мастером, учителем. К тому же был он и человеком смелым. Поэтому и согласился на мою просьбу выпускать на прославленную сцену Большого зала молодых, неизвестных поэтов: «Не все же здесь только корифеям выступать. Ты только проследи, чтобы они антисоветчину не пороли». В это время в Большом зале проводился страшно популярный среди москвичей ежемесячный устный журнал «Молодежные субботы», в котором и стали с нашей помощью выступать молодые поэты. Читали они свои стихи и в залах ЦДРИ, и в кафе «Синяя птица». Многим эти выступления помогли войти в большую поэзию. Сравнительно недавно на каком-то творческом мероприятии подошел и радостно обнял меня известный поэт, драматург, песенник Юрий Энтин (достаточно вспомнить мультфильм «Бременские музыканты»): «Спасибо тебе, ты же мне впервые на такую сцену помог выйти!» И как писали в старинных романах, «все чресла мои наполнились приятностью и некой гордостью». Правда, когда я случайно пересекся с достаточно известным поэтом Н.З., которому мы значительно в большей степени, чем Ю. Энтину, помогли в его выступлениях, он сказал, что никого и ничего не помнит. И так бывает. Работа с творческой молодежью способствовала не только удовлетворению моих филологических амбиций, но и подарила мне многолетнюю дружбу с замечательным, поистине уникальным человеком.

Конечно, любовь к поэзии, к конкретным поэтам – дело сугубо субъективное. То, что одних приводит в восторг, других не трогает. Может быть, поэтому для кого-то и покажутся спорными мои суждения, но лично для меня стихи и поэмы Александра Сенкевича – лучшее, что есть сегодня в современной поэзии! С наслаждением читаю и перечитываю его стихи (более десяти поэтических сборников, изданных как в России, так и за рубежом!). Пресными после его поэзии кажутся мне строки многих возводимых ныне на пьедестал его современников. Но и те, для кого А. Сенкевич не стал «своим поэтом», не могут отрицать его поистине энциклопедического дара. Доктор филологических наук, известный индолог, он заслужил личную благодарность от Индиры Ганди за перевод индийских поэтов, стал автором нескольких книг в знаменитой серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»), в том числе фундаментальной работы «Будда», автор великолепных путевых очерков, серьезных работ о русской эмиграции, о современной литературе и т. д. Просто невозможно перечислить все сферы культурной жизни, где бы ни звучала фамилия Александра Сенкевича. Кстати, о фамилии. Он не родня известному путешественнику Юрию Сенкевичу, но тесно дружил с ним, о чем свидетельствует остроум-

ной автограф на подаренной ему книге: «Самому талантливому из всех Сенкевичей – Александру, с любовью. Юрий Сенкевич». Ценили и ценят его многие известные люди – Евгений Примаков, Никита Михалков, Рене Герра, известный французский русист... Я благодарен ему и за то, что вдохновил он меня на литературный опус, посвященный его поэзии, – «Интимные заметки о поэзии Александра Сенкевича». Не скрою, что опус этот мне дорог, ибо, как мне кажется, достаточно полно проявились в нем мои литературные амбиции. А. Сенкевич – и по сегодняшний день один из моих самых близких друзей. Чем и горжусь.

Конечно, не только с поэтами и вообще с творческой молодежью работал Свердловский райком комсомола города Москвы. Много разных дел и весьма своеобразных у райкома было.

Центром нашего района была Театральная площадь с памятником К. Марксу. Вот место около памятника и облюбовали девицы легкого поведения. Подкарауливали они там в основном иностранцев из расположенных рядом престижных гостиниц. По месту их «пастбища» во всех инстанциях, занятых борьбой с этим позорным явлением в жизни столицы социалистического государства, их называли «марксистками». Вот эти инстанции и требовали, чтобы райком комсомола активно подключился к борьбе с ними. Создали мы «оперативный отряд Свердловского РК ВЛКСМ г. Москвы», набрали туда молодых, плечистых добровольцев и начали искоренять этот позор. В первый рейд я и сам пошел с этими ребятами. Как нас поразила находчивость этих женщин, как сейчас говорят, «с пониженной социальной ответственностью»! Лето, хотя и прохладно, но они почти все в босоножках на голые ноги. Завидев потенциального клиента, подходят к нему поближе, поворачиваются задом и молча показывают свою ступню. На ней чернилами написана цифра – оплата за услугу. Отлавливали мы их, приводили в «полтинник» – такой был номер (50) у отделения милиции в центре Москвы и... Вот здесь и начались проблемы. Дело в том, что в советском законодательстве не было ни одного закона о проституции. Разве возможна проституция при социализме! Милиция как могла изощрялась, чтобы как-то их наказать. Не знаю, каким способом, но явно не без помощи комсомола в конце концов «марксистки» исчезли.

Помогали мы строительству знаменитого городского Дворца пионеров, что на Ленинских горах. Не просто собралась там на субботник толпа комсомольцев из Свердловского района, а шла колонна почти в тысячу человек со знаменами, с духовым оркестром впереди. «Пижонит Соколов, выпендривается!» Что пижонит – это правда, любил я, да и сейчас люблю иногда это дело, но вот выпендриваться перед начальством ради карьеры – никогда. Потому что себя уважал. Иногда даже с перехлестом, что мне весьма вредило в карьерном «движении вверх».

Вспоминается в связи с этим уникальная учеба нашего районного комсомольского актива. Как обычно организовывали подобные учебы? Снимали какое-то помещение, загоняли туда бедных комсоргов и два-три дня читали им разные лекции. Тоска смертная... Ну, может, я чуть и сгустил краски, но в общем-то так оно и было. Мы же райком богатый, да и первый секретарь – не любитель скучных решений. Вот и придумали мы организовать учебу по-новому. Нашли сравнительно недалеко от Москвы большую поляну у реки. Разбили палаточный городок, кострища соорудили, сцену построили, арендовали радиомашину и привезли на три дня человек триста комсомольских вожаков. Там они и жили в палатках, и учились, и пищу себе готовили, и концерты смотрели, и поэтов слушали, и танцевали, и любовь крутили. Так что нынешние «Селигеры» имеют корни в далеких 60-х годах прошлого столетия. Одна такая учеба и принесла мне некоторые жизненные неприятности. Одну – карьерную.

Только торжественно и весело открыли мы летний лагерь, как приехал из Москвы гонец и передал мне распоряжение срочно прибыть в Москву на встречу секретарей райкомов комсомола с Н. Егорычевым – первым секретарем МГК КПСС. Здесь – весь актив района, люди, с которыми мы вместе работаем, с которыми так важно неформально общаться, решать массу проблем. Там – формальная номенклатурная встреча. Я никуда из лагеря не поехал, таков был мой выбор. Вернулся в Москву и получил по полной программе. В это время Бориса Пасту-

хова, первого секретаря московского горкома комсомола, сменил Василий Трушин. Здесь сделаем небольшое отступление.

В повествовании своем я упоминаю много людей, с которыми тесно или мимолетно свела меня жизнь. И как-то сначала неосознанно, а затем и целенаправленно решил не называть фамилии тех из них, кто или был мне особенно неприятен в силу совершенно чуждых мне человеческих качеств, или как-то подло поступил со мной. Во-первых, не так уж и много таких людей мне повстречалось, во-вторых, нехорошо обнародовать имена негативных для меня людей, это на какую-то запоздалую месть похоже. Но это не касается тех людей, отношения с которыми были у меня неоднозначные, сложные.

С Василием Трушиным у нас такие отношения и были, поэтому открыто и пишу о нем. Хотя и уважали (с моей стороны – точно), но не любили мы друг друга. «Любить» – слово, конечно, не совсем подходящее к отношениям начальника и подчиненного. Может быть, вернее было бы сказать «не принимали», «не терпели друг друга» или нечто подобное. Но суть одна и та же – не любили.

Трушин был отличным организатором, умным, волевым человеком. Но человеком с чуждой для меня группой крови. Трудно объяснить это понятие, но это очень сильно проявляется в отношениях между людьми. Разные жизненные ценности, разные модели поведения, культурные ориентиры, разное отношение к людям... При этом нельзя сказать, что у одного они положительные, правильные, а у другого – нет. Просто разные. С предшественником Трушина на посту первого секретаря Московского горкома комсомола – Борисом Пастуховым – по моему глубокому ощущению, у меня была одна группа крови, и отношения у нас были отличные. Я до сих пор горжусь его хорошим ко мне отношением, помню многое из того, что он мне сделал, чем помог. Но об этом позже.

Так вот, на первом же большом заседании после моего возвращения с учебы в Москву Василий Трушин стал резко пенять мне за то, что проигнорировал я встречу с Егорычевым. Я с места громко и так же резко ответил, что еще хуже, когда руководители игнорируют встречу с комсомольским активом: не только никто из горкома комсомола на нее не приехал, да еще потребовали, чтобы я ее покинул, практически сорвал всю учебу.

Если кто-то из поколения моих внуков читает сейчас эти строчки, то наверняка подумает: «Что за ерунду автор пишет! Начальство покритиковало, с места ему возразили. Ну и что?» В том-то и дело, дорогой мой современный человек, что в те времена (напомню, середина 60-х годов) это многое значило, впрочем, и сегодня не очень-то принято столь резко начальству возражать, да еще публично. Недаром после моей реплики зал замер, вернее, обмер. Да и я отчетливо понял, что мне побыстрее надо решать вопрос об уходе с комсомольской работы. И хотя я еще почти год работал при Трушине, отношения у нас были своеобразные. В горкоме как бы «забыли» о Свердловском райкоме комсомола. Ни хвалы, ни критики, ни серьезных разборок – ничего. Существует такой райком, работает, ну и бог с ним. Конечно, объяснялось подобное «терпение» начальства тем, что работали мы неплохо, много интересных дел делали, да и авторитет у меня в районе был. Естественно, долго так продолжаться не могло, и я комсомольскую свою карьеру – короткую, но яркую – покинул. Покинул, правда, с некоторым завихрением, но об этом чуть позже.

Вторая же неприятность во время этой учебы – сложившаяся там ситуация, о которой и сегодня мне неловко вспоминать. Нехорошо вышло... Пригласил я выступить перед комсомольским активом хорошего поэта, особо популярного в то время, Юнну Мориц. Она согласилась, но попросила обязательно к вечеру отвезти ее домой. Приняли Ю. Мориц прекрасно, и стихи понравились, и разговор у костра. И вот когда надо было уже отвезти ее домой с этой далекой от Москвы поляны, выяснилось, что сделать этого нельзя. У нас было несколько дежурных «Волг», которые мы выпросили у районных организаций, но к вечеру их водители уже хорошенько выпили и наотрез отказались сесть за руль в таком виде. Никаких мобильных теле-

фонов в то время не было, Юнна очень переживала за то, что дома за нее волнуются, обиделась на нас, но ничего сделать мы уже не могли, уехала она только утром. Казалось бы, не столь уж значительный проступок, но мне за него до сих пор стыдно. Надо было заранее предусмотреть этот весьма предсказуемый кульбит с шоферами!

Комсомольская жизнь моя интересна была и командировками как по стране, так и зарубежными. Причем командировки эти были порой самые неожиданные. Сижу я в своем кабинете, дело делаю. Звонок – Б. Пастухов, первый секретарь Московского горкома:

– Слушай, надо тебе срочно в Ленинград вылететь. Мы взяли шефство над выпуском на Кировском заводе самого мощного в мире трактора для сельского хозяйства – К-700. Возглавишь группу наших молодых инженеров. Они там посмотрят, чем им помочь можно.

– Борис Николаевич, так я же филолог, историк, я трактор от велосипеда отличить не могу.

– Ребята толковые, сами все сообразят. Ты только оргвопросы решать будешь.

Руководству перечить нельзя, и уже утром следующего дня мы были на Кировском заводе. Москвичи действительно толковые были. Дотошно во все вникали, составили перечень того, чем Москва помочь может. Наши хозяева довольны остались и сделали нам царский подарок: дали билеты на спектакль самого знаменитого в то время театра страны – Большого драматического под руководством Г. Товстоногова. Очень я этому обрадовался, все уши прожужжал ребятам об этом театре, о том, как трудно билеты в него достать. И действительно, за несколько километров до театра стали у нас спрашивать лишние билетки. И тут ребятки мои дрогнули.

– Слушай, мы последний день в Ленинграде. Устали очень, нам бы расслабиться надо.

Я ужаснулся – отказаться от БДТ, от спектакля великого режиссера! Но надавили ребята, дрогнул я, продали мы билеты и хорошо посидели в пивном баре на Невском проспекте. И такое было.

Из поездок по стране еще одна особо мне запомнилась. Вернее, чаще всего вспоминается в силу ее переключки с сегодняшними реалиями. Изредка (со мной это было, по-моему, только один раз) комсомольских функционеров привлекали к работе серьезных инспекций, проводимых ЦК КПСС. Вот и меня включили в такую инспекцию. Большая, солидная группа, призванная проанализировать положение дел на Украине. Я и еще один товарищ из ЦК ВЛКСМ должны были посмотреть, как там с молодежью работа ведется. Но командировка эта запомнилась мне не проблемами с молодежью. Поразило другое.

Пригласили нас в Запорожье на какую-то конференцию. Вел ее секретарь обкома партии. Выступающие бодро говорили о своих больших успехах в развитии сельского хозяйства. И вот одного из них, говорящего на русском языке, резко, грубо и, я бы сказал, с какой-то внутренней злобой прервал секретарь обкома: «Ти що, української мови не знаєш?» Сказал так, как будто тот говорил на языке вражеских оккупантов! Выступающий испуганно оглянулся на секретаря обкома, съежился и перешел на жуткий суржик – смесь русского и украинского языков. Было это в середине 60-х годов! И другой эпизод из этой же командировки.

Послали меня в Артемовск (в 2016 году в борьбе со всем советским ему вернули старое название Бахмут). Красивый, зеленый городок, гордостью которого является завод шампанских вин, знаменитый на всю Европу, если не больше. Знаменит тем, что шампанское там делают традиционным классическим способом, по несколько лет выдерживая в подземных гипсовых выработках. Эти выработки – целый городок со своими улицами, площадями, весь заставленный стеллажами с бутылками. Лежат они там длительное время с определенным наклоном, набираются благородного вкуса. Когда я туда попал, то застыл в недоумении – на меня шли люди в кольчугах, в металлических перчатках и забралах на лицах! Средневековые рыцари! Это же были рабочие завода, а в металле они потому, что должны в определенные сроки переворачивать и открывать бутылки, чтобы осадок убирать. А бутылки эти изредка

взрываются в их руках, вот они от осколков и защищены. Все это очень интересно, но меня не это больше всего поразило, а встреча с горожанами.

Все они говорили по-русски, и почти всех волновала одна и та же проблема. В городе было 12 школ (на одну-две сейчас уже могу ошибиться). Из них девять вело преподавание на украинском языке и, соответственно, три – на русском. Украинские школы были полупустыми, в русских же учеба шла в три смены, и все равно всех желающих они принять не могли. Слезно просили меня горожане, чтобы донес я до Москвы их огромную просьбу – переориентировать школы, открыть больше с преподаванием на русском языке.

Выполнил я эту просьбу, написал в своем отчете о школьной проблеме. Но это не только не попало в общую Записку инспекторской группы, но и попеняли мне за то, что не понимаю я национальной политики, что раз есть подобное соотношение русских и украинских школ, а оно есть не только в Артемовске, но и по всей Украине, то так это и надо из высших соображений. Вот эти «высшие соображения» и стали одной из серьезнейших причин трагедий на нынешней Украине.

Я не являюсь узким специалистом по вопросам национальных отношений, но многое познал о них не столько из теории, сколько из социальной практики. Это привело меня к твердому убеждению, что самое большое зло в решении национальных проблем – это стремление *насильственно что-то внедрять или что-то запрещать в данной сфере*. В какую школу родители хотят отправить учиться свое чадо, в такую и пусть отправляют. На каком языке люди хотят говорить, на таком пусть и говорят. Хотят, чтобы в паспорте была записана национальность, она и будет записана. Не хотят – не будет...

В общественном сознании необходимо сформировать полную индифферентность, а попросту сказать – равнодушие к тому, какой национальности человек. Главное – какой это человек по своим профессиональным, моральным качествам. В Советском Союзе зачастую это игнорировалось. Устанавливались количественные показатели, сколько каких школ надо иметь вне зависимости от желания населения, вводились различные, зачастую чисто формальные национальные квоты в системах управления, высшего образования, государственной деятельности и т. д. Ну почему надо было, чтобы первым руководителем любого национального образования (республика, округ, область) обязательно был человек этой национальности, а вторым руководителем – обязательно русский?

Я слышал практически одни и те же возражения на эти мои слова: «Ну как вы не понимаете, все это делается для возрождения угнетенных при царизме наций. Их же надо было поднять, подтянуть до определенного уровня. И потом это помогает решать на местах проблемы межнациональных отношений». Зачастую это не помогало, а напротив, содействовало росту национализма, нагнетанию напряженности между различными национальными группами. Для решения национальных проблем существует целый ряд поистине действенных мер: развивать национальную культуру, расширять систему образования, вовлекать людей в политическую жизнь, в целом более решительно строить гражданское общество. В конечном итоге все это должно быть направлено на изменение *сознания* людей, на формирование у них чувства уважения к людям вне зависимости от их национальности, на то, что я называю индифферентностью в национальном вопросе.

Конечно, Советский Союз проделал колоссальную работу по развитию многочисленных наций, в него входящих, по установлению между ними дружеских отношений. Но эффективному решению этих проблем мешало упование на перечисленные выше «принудительно-организационные» действия. И еще один важный момент. Власти просто боялись решительных шагов по борьбе с национализмом, боялись из опасения рассориться с местной национальной элитой, боялись потерять их опору в политической борьбе. Особо остро проявилось это во времена Н. Хрущева, который ради того, чтобы Украина поддерживала его во власти, и Крым

ей передал, и закрывал глаза на растущий день ото дня национализм. Это и аукнулось сегодня так страшно.

Вернемся к командировкам моей комсомольской молодости. В одной из них я «попал в коммунизм». Вообще-то я «при коммунизме» два раза жил. По одной неделе. Один раз – в Казахстане, другой – в Берлине (об этом позже). В Казахстан я прилетел где-то в 1961/62 году как представитель Москвы на празднование юбилея комсомола республики. Делегация была из одного человека – меня (позднее прилетел еще заведомо пропаганды МГК ВЛКСМ Вереин). Делегация комсомола Москвы! Вот здесь для меня коммунизм и наступил. Только один эпизод из этой моей жизни.

Посадили меня в специальный самолет, в котором были я и еще человек десять-пятнадцать сопровождающих меня людей, и полетели мы куда-то вглубь Казахстана. Прилетели. Огромное озеро, заросшее камышами, вокруг него степь до горизонта. Около озера поставлено несколько роскошных юрт. Рядом небольшая отара овец. Главный из сопровождавших меня попросил выбрать овцу. Я ткнул пальцем.

- Ну вот и хорошо. Пока из нее бешбармак делать будут, мы пойдем поохотимся.
- Какая охота? Я вообще не охотник, да и одет в костюме, в штиблетах.
- Это не важно.

Подвели меня к озеру, дали ружье, и какой-то дядечка несколько раз громко похлопал в ладоши. И тут же из камышей вылетели сотни уток! Я выстрелил, подбил утку – промахнуться в такую стаю невозможно. На этом охота закончилась. Как выяснилось, озеро это входило в охотничий заповедник! Правительственный, для простых людей закрытый. А дядечка, который в ладоши хлопал, – главный егерь. Погуляли мы еще немного, а потом нас в юрту пригласили. В юрте огромный котел на огне стоит, в нем варятся куски свежайшего бараньего мяса. Запах потрясающий, зазывной! Хозяйка спрашивает меня, как я есть буду – как европейцы или как мы, казахи?

- Конечно, как местные едят!
- Тогда снимайте рубашку, подпоясывайтесь полотенцем.

Снял, обнажив свой тощий торс. И стали мы есть. Тоже как местные. Берешь в ладонь (бешбармак в переводе и означает «пять пальцев») хлебную лепешку, специально приготовленную для бешбармака, окунаешь в котел, вылавливаешь кусок баранины и отправляешь в рот. Сок по голой груди течет. А рядом стоит молоденькая казашка с кожаным бурдюком. Наливает она из него в пиалу холодный, слегка пенящийся кумыс и тебе протягивает. Блаженство! Напрягает только то, что хозяйка все время наполняют полные граненые стаканы коньяком, пьют и тебя выпить уговаривают. А я за раз выпить могу только две-три рюмочки, да и то не поутру. Хорошо, что приспособился в юрте незаметно выливать коньяк на землю. К чему я так подробно рассказываю об этом? Ну, во-первых, приятно вспомнить подобное пиршество, вкусно поесть я всю жизнь любил. Главное же, конечно, не в этом.

Специальный самолет, десятки сопровождающих, охота в заказнике, отара баранов, поставленные юрты – и все это для одного человека, и все это, невзирая на затраты. Да и в самой Алма-Ате всю неделю – пиршества, концерты, подарки... Все желания мгновенно удовлетворяются, все, естественно, бесплатно. В общем, коммунизм в одном конкретном месте, для одного конкретного круга людей. Как я к этому относился? Сказать, что возмущался, протестовал, – неправда, но некую неловкость отчетливо ощущал. Подобная неловкость, возрастая с годами моей жизни на «начальной ступени Высшего круга», все больше и больше смущала мое сознание. Но, скажу откровенно, не более того.

Я никогда не был диссидентом, понимая под этим словом не только «инакомыслие», но и обязательное «инакодействие», т. е. борьбу с господствующим положением вещей. Никаких форм борьбы с советской властью я не только никогда не вел, но всегда честно и осознанно ей служил. Борьба шла внутри меня, между моими представлениями о подлинном социализме и

тем, как он выглядел в реальности. Уже писал и вновь повторяю: ничего более разумного, справедливого и морального, чем организация общества на принципах социализма, я не встречал. Но самой большой проблемой было реальное воплощение основополагающих теоретических принципов социализма в жизнь: их искажение (в СССР, в странах народной демократии, в азиатских, латинских, африканских вариантах), неполнота их воплощения (в скандинавских странах), отсутствие серьезных научных разработок особенностей функционирования социализма в современных условиях (хотя бы объективного всестороннего анализа «рыночно-планового социализма» в Китае). Именно эти расхождения между теорией и практикой серьезно смущали мое сознание, порождая некую дихотомию. И сегодня бедой наших общественных наук является практически полное отсутствие интереса к серьезному анализу социального устройства общества.

Позором я считаю, что нынешние власти полностью проигнорировали такую знаменательную дату, как 200-летие со дня рождения К. Маркса. Во многих странах, которые принято называть «цивилизованными», этой дате были посвящены научные конференции, собрания общественности, открыты выставки, не говоря уж о том, что практически на всех социальных факультетах ведущих университетов мира изучается его теория... У нас же памятники К. Марксу стоят, а в истории общественной мысли он как бы и не существует. Не место здесь анализировать сильные и слабые стороны его теории, но история человечества показала, что большинство главных его идей не устаревают, а подкрепляются неопровержимыми фактами. В то же время насущной необходимостью является пересмотр некоторых из них: важно показать, почему они «не сработали», в чем надо их исправить, дополнить, развить. Ведь сам К. Маркс говорил, что он заложил лишь краеугольные камни научного познания общественного развития. Нерешенными остаются такие фундаментальные проблемы, как сочетание социалистических и капиталистических начал, прежде всего принципов планового и рыночного хозяйствования, степени и уровней обобществления производства, демократических механизмов контроля над властью, над элитой, понятия подлинного социального равноправия, учет в государственном управлении воли и особенностей ментальности населения и им подобные. Вот и движемся мы как слепые котята, без серьезного научного и объективного анализа бытия государства и нации то ли вперед, то ли назад, то ли вообще куда-то в сторону... Продолжим, однако, описание моего индивидуального бытия.

Командировки в мои комсомольские годы были не только и даже не столько внутри страны, сколько за ее пределы. Попастъ за границу в годы советской власти – удел избранных. Я же, как «полуизбранный» (см. во Вступлении о градации социальных групп), в самые мои молодые годы попал сразу же в капстрану! Да еще на такое событие – VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 году! Вообще-то на Всемирном фестивале молодежи я уже бывал – шестой фестиваль проходил в 1957 году в Москве. Был я в то время просто студентом, поэтому на его мероприятия допущен не был, но как внештатный экскурсовод Москву иностранцам показывал. Помню, как стыдно мне было из-за в общем-то незначительного эпизода с молодыми туристами из Дании. Даже двух эпизодов. Во-первых, после моего восторженного рассказа о Кремле меня спросили: «А сколько гектаров он занимает?» А я не знал! Пришел домой, судорожно залез в справочники. С тех пор на всю жизнь запомнил – территория Кремля – 27,7 га! Другой эпизод этой несчастной экскурсии характеризует не столько меня лично, сколько время, в которое я жил. В конце поездки я должен был расписаться в документе у шофера, но ручки у меня не оказалось. Подбирая те немногие английские слова, которые знал, я попросил весьма симпатичную датчанку дать мне авторучку. Она улыбнулась, достала листок бумаги, написала на нем номер своего телефона в гостинице и протянула мне. Я судорожно схватил бумажку, взял авторучку, расписался у водителя, вернул ее датчанке и, выскочив как ошпаренный из автобуса, тут же выбросил ее записку. Последнее, что

заметил, – удивленно поднятые брови девушки. Знала бы она, как строго нас предупреждали «серьезные люди», чтобы мы не устанавливали с иностранцами никаких контактов!

На фестивале же в Хельсинки я был уже в другом статусе: не просто член делегации, но включенный в небольшую когорту «избранных» – в состав пропагандистской группы.

Восьмой фестиваль от предыдущих отличался рядом принципиальных особенностей. Во-первых, и это главное, это был первый фестиваль, который проходил в капиталистической стране. Во-вторых, на нем был открыт дискуссионный международный клуб. Вот для участия в этих дискуссиях и была послана наша группа в Хельсинки.

Советская делегация жила в прекрасных каютах огромного корабля, на котором она прибыла на фестиваль. Нас же (пропагандистов) поселили в школе, расположенной в центре города. Из одного школьного класса вынесли всю мебель, постелили на пол маты, вбили в доску крючки для одежды. В таких спартанских условиях мы и жили. Кормили, правда, по-царски – в ресторане гостиницы «Лидо». Увидели мы там впервые так называемый шведский стол. Сказать, что поразились, значит не сказать ничего. Длинные столы, заставленные невероятным количеством снэди. Только одной селедки в разных ее видах мы насчитали одиннадцать блюд! Жареные колбаски, рыба, вяленое мясо, салаты, что-то еще, о чем мы и понятия не имели, – все в изобилии, все можно есть сколько хочешь! Мы и ели до отвала, ничего подобного в Москве не было, да и молодые мы были, о диетах слыхом не слыхивали. А потом шли работать.

Работы было много. В день по две, а то и по три дискуссии в международном клубе, потом встречи с отдельными делегациями, дежурства в качестве гидов на выставках и т. д. Там и учился я мастерству полемиста. С подачи Б. Пастухова я был назначен руководителем нашей пропагандистской группы, несмотря на то что в нее входили люди круче меня по карьерной лестнице. Функции руководителя были минимальные. Распределял я, кто куда пойдет, помогал связываться с информационными службами фестиваля, собирал иногда вместе всех ребят, чтобы обсудить возникшие проблемы. В целом в группе царил демократический дух и никакого начальствования. Но все равно одному человеку не нравилось, что не он руководитель. Человек этот интересный и сам по себе, и по своей карьере. Расскажу вкратце о нем, тем более что на протяжении жизни судьба сводила меня с ним на короткие, но весьма характерные встречи.

Александр Владиславлев, первый секретарь Октябрьского райкома комсомола в годы фестиваля в Хельсинки. Высокий, статный, красивый человек с быстрым, ярким умом, хорошо образованный, с широким кругозором. И необычайно амбициозный. Вело его по жизни прежде всего стремление быть первым, вырваться из общего ряда. Пожалуй, карьера была для него главной ценностью в жизни. Здесь отвлекусь от рассказа на очередную «философскую вставку».

Вопреки широко распространенному мнению, я весьма положительно отношусь к карьеризму и карьеристам. Для меня это не просто не бранные слова, но позитивное качество личности. Что же плохого в том, что человек хочет расти по службе, добиться в чем-то высокого положения? Человек не плывет безвольно по течению жизни, а ставит перед собой высокие цели и стремится их достигнуть. Прописные истины: главное здесь – какие цели он ставит перед собой и каким образом, какими способами собирается их достигнуть. Одно дело – мечтать стать самым богатым человеком среди своих друзей, другое – лауреатом Нобелевской премии. Одно дело – добиваться поставленных целей своим трудом, талантом, другое – интригами, предательством, «идти по трупам». Но есть и еще один, может быть, не столь «прописной» нюанс: любое стремление к карьерному росту не должно стать *самоцелью*. Позволю себе нескромность похвастаться одним личным моментом в моей жизни.

Я стал доктором философии довольно рано. И пригласили меня сразу после этого на разговор в ЦК КПСС. Друзья предупредили: будут предлагать работу в аппарате и «запомни,

если откажешься, могут поставить крестик на твоей анкете, и это будет большой крест на всей твоей жизни». С этими напутствиями я и пришел на встречу. За большим пустым столом (ни одной бумажки!) сидел очень солидный товарищ. Заговорил тихим начальственным голосом:

– Принято решение организовать в ЦК КПСС аналитический сектор. На основе получаемых писем и других материалов необходимо будет анализировать общественные настроения. Мы знаем вас как человека, способного вести серьезную исследовательскую работу в социальной сфере.

И предлагает мне должность, которая была даже выше должности просто инструктора ЦК. Я как уж на сковородке стал вертеться, объяснять, что не гожусь к аппаратной работе, что не справлюсь с такой высокой ответственностью и т. д. Он долго убеждал меня в обратном. Потом ему надоели эти разговоры, и он на повышенных тонах неожиданно откровенно и зло спросил меня:

– Вы понимаете, что это значит для вас? Вы поработаете в ЦК, вырастете и можете перейти на любую большую работу, например, заместителем министра. Вы что, не хотите строить свою карьеру?

– Хочу. Но у меня свое представление о карьере.

– Какое же?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.